

18+

Валерия Великанова

РУБИНОВЫЕ ВОДЫ

18+

Валерия Великанова

Рубиновые воды

«Издательские решения»

Великанова В.

Рубиновые воды / В. Великанова — «Издательские решения»,

Целительница Анара знает: нельзя задерживаться на месте долго. Но на земле вислян она сталкивается с недоверием местных и попадает в плен к князю Кракова. Пытаясь спастись, Анара заключает с ним сделку: исцеление княгини от болей, перед которыми бессильны лекари, в обмен на свободу. Но вскоре Анара понимает, что этот недуг — лишь один из тёмных секретов замка. Чтобы выжить, ей придется нарушить заветы матери и узнать, чьей кровью окрашены рубиновые воды Вислы.

© Великанова В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Анара	6
Глава 2	11
Рютигер	11
Глава 3	15
Анара	15
Глава 4	25
Матеуш	25
Глава 5	29
Рютигер	29
Глава 6	33
Анара	33
Глава 7	40
Стефан	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Рубиновые воды

Валерия Великанова

© Валерия Великанова, 2026

ISBN 978-5-0071-0773-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Анара

Гранат в её руках походил на голову новорождённого младенца. Анара вдохнула запах плода, пощупала кожуру и положила обратно: уже завтра он начнёт гнить и потому не подойдёт для ритуала. Торговцы из Кракова прибывали на границу княжества так редко, что ей пришлось оставить все дела и поспешить на раскинувшийся за чертой поселения рынок. Тем обиднее было бы уйти ни с чем. Женщина, стоящая за прилавком, проследила за движением Анары и рявкнула:

— Ты давай выбирай, плати и иди прочь! Всех покупателей мне распугаешь! — Она вытерла побагровевшие от сока руки о грязное полотенце и упёрла их в бока.

Анара послушно схватила первый попавшийся гранат и протянула торговке монету. С губ чуть не слетела заготовленная ложь о том, что серебряный кругляшек был платой богатой вислянки¹ за отвары, спасающие от головной боли. У таких, как Анара, денег отродясь не водилось, а рассказывать на рынке о том, что монета, припорошенная пылью, нашлась на дороге, не стоило. За помощь роженице ей дали стакан молока и булку пшеничного хлеба. Больше, чем обычно — и меньше, чем хотелось бы, но Анара и этому радовалась. Летом люди болели реже, поэтому в ней мало кто нуждался, а младенец, сам того не зная, спас её от голода на ближайшие дни.

— Ещё одна с серебром таскается! — Торговка недовольно покрутила монету. — Нет бы зерном или мёдом заплатила. А это... Тьфу!

подавив желание нагрубить в ответ, Анара уже было раскрыла холщовую сумку, как услышала приближающийся топот. Удар в плечо оказался таким сильным, что девушка повалилась на землю. В щёку врезались мелкие камешки. Она замерла, пытаясь притушить боль и испуг. Над ней промелькнул чей-то силуэт, и в следующее мгновение Анара услышала визгливый голос торговки:

— Стой, мерзавец! Ловите его!

Анара приподнялась и смахнула с лица пыль.

— Да что ж это делается? Посреди бела дня воруют! Совсем уже обнаглели, лиходеи!

Пошарив по земле, Анара поняла, что вор вместе с несколькими гранатами с прилавка успел захватить и тот, за который она заплатила. На возмущённые крики стали собираться любопытные. Анаре меньше всего хотелось привлечь к себе внимание, так что пришлось расправить юбку, уныло взглянуть на сочные плоды и пойти прочь.

«Будь здесь мама, она бы разжалобила эту сварливую женщину и выпросила ещё один гранат», — с горечью подумала Анара.

Не успела она повернуть за угол, как сзади раздалось резкое:

— Стой!

Анара обернулась и увидела двух несущихся на неё дружинников. За ними еле поспевала раскрасневшаяся торговка.

— Вот она! Ловите чужачку! Они с воришкой в сговоре!

Анара не поверила своим ушам — но вынужденно принялась оправдываться. Вот только никто не слушал: один из дружинников заломил ей руки, отчего и без того ноющее плечо

¹ Висляне — западнославянское племенное объединение, жившее как минимум с VII века по верхнему течению Вислы. Центром их поселения был Краков.

взорвалось болью. Анара вскрикнула и забилась в руках мужчины, точно рыба, оказавшаяся на берегу.

— Не трогайте меня! Я ничего дурного не сделала!

— Все вы, грязнокожие, так говорите, а потом скот наш воруете или ещё чего похуже! — Дружинник скользнул по ней взглядом, полным презрения, и бросил другому: — Давай её к воеводе. Пусть он решает.

Анара рванулась в сторону торговли.

— Боги покажут тебя за ложь!

Щёку тут же обожгло болью, и Анара зашипела.

— У нас один Бог! — прокрипел дружинник. — Не богохульствуй, а то камень к ноге привяжем и в реку кинем.

От затылка Анары вниз по спине побежала ледяная дорожка ужаса.

Колесо передвижной тюрьмы угодило в яму. Анара вцепилась в доски, отделяющие её от свободного мира — на мгновение её, как и остальных пленных, подбросило. Уже сутки она ничего не ела, и тело начало слабеть. Рыдания, не стихающие с самого начала заточения, наконец прекратились. Анара осторожно посмотрела на девушку с русыми косами: на её по-детски невинном лице всё ещё высохли слёзы. Анара не выдержала, развернулась к ней и спросила:

— Как твоё имя?

Девушка подняла голову, встретила пристальный взгляд и еле заметно отодвинулась.

«И эта туда же», — раздражённо подумала Анара.

Страх местных перед чужаками, чей цвет кожи хоть немного отличался от их собственного, даже спустя три года продолжал доставлять ей проблемы. Когда Анара с мамой только пришли в эти земли и нанялись в помощницы к деревенскому лекарю, то старались полностью походить на окружающих их людей: носили сарафаны до щиколоток, вышивали узоры на платках, вязали лапти. Но всё это не помогло им стать своими. В день, когда мама покинула этот мир, Анара решила, что больше не может притворяться. Она заплела длинные иссиня-чёрные волосы в россыпь косичек, надела единственное платье цвета пустынного песка и застегнула на талии плетёный пояс из коричневой кожи. Мама бы не одобрила и сказала что-нибудь вроде: «Ты слишком рискуешь. Зачем их злить?»

Но Анара не собиралась бросать местным вызов — она хотела сохранить память о доме, которого у неё больше не было.

— Святослава, — услышала она тихий голос. — Откуда ты знаешь наш язык?

— Пришлось выучить, — сухо ответила Анара, избегая подробности и о том, через что они с матерью прошли. — За что ты здесь?

Святослава тут же потупила взор.

— Я совершила страшный грех.

Анара представила, как это милостивое создание сжимает окровавленный нож. А может, она украла что-то? Местным нередко отрубали пальцы за такое.

— Вáрвары, — качая головой, говорила мать Анары, когда на рынке они встречали четырёх- и даже трёхпалых людей. Анара в ответ только хмурилась — ведь висляне за глаза называли их так же.

— Зарезала кого-нибудь?

Шутка не удалась. Святослава вздрогнула, из её глаз вновь полились слёзы.

— Я молилась богам, а сосед как раз зашёл за молоком... — Она всхлипнула. — У меня Муська заболела — корова моя. Кто тут, кроме Велеса, поможет? На их бога, — девушка кивнула на стражников, сидящих рядом с извозчиком, — у меня надежды нет.

— И сосед на тебя пожаловался? — удивлённо спросила Анара.

Святослава не ответила — зарыдала ещё громче. Не зря мама Анары называла эти земли беспокойными. Язык здесь звучал странно — когда люди говорили, они походили то на пчёл, то на змей, многие картавили то ли от рождения, то ли специально. На шеях почти все носили деревянные крестики, но дома продолжали раскладывать подношения для других богов.

— Они сами не знают, кто они, — говорила Анара маме. — Так почему они могут решать, какими должны быть мы?

Мать лишь качала головой и продолжала развешивать травы для целебных отваров.

— Не плачь, — сказала Анара, не сводя глаз с девушки. — Скажи, что много раз молилась их богу, но корове лучше не стало. Ты очень переживала и решила воззвать к старым богам. Не забудь сделать жалобный голос.

— Думаешь, меня отпустят?

— Если постарайшься их убедить, — ответила Анара, не желая лишний раз давать надежду.

Святослава вытерла слёзы и посмотрела на неё с благодарностью.

— А ты почему тут оказалась?

Анара кисло улыбнулась.

— Потому что я так выгляжу.

Её разбудили крики. Анара огляделась — все пленные были на месте, так что она выглянула за пределы клетки. От золота, разлившегося снаружи, защищало глаза. Лучи закатного солнца укрывали пшеничные колосья, их верхушки подрагивали на ветру, отчего казалось, что всё поле идёт волнами. Анара вскинула голову на голоса. Мужчины косили пшеницу, задорно подгоняя друг друга. Они одновременно размахивались и срезали часть урожая. Многие из них были без рубах. Плечи и спины их покрывала болезненная краснота. Анара в очередной раз поразилась тому, какая светлая кожа у местных. Проведи они хоть день в пустыне, безжалостное солнце спалило бы их дотла.

Вслед за мужчинами двигались женщины. Волосы заплетены в косы и убраны на затылках под белоснежные платки, рабочие юбки болотного цвета волочились по земле. Женщины собирали срезанную пшеницу и связывали бечёвкой в небольшие тюки.

Телега налетела на камень и снова подпрыгнула. Извозчик громко выругался, и рабочие разом повернулись к дороге. Анара поймала на себе взгляд одной из женщин: в нём не было отвращения — одна жалость.

«Похоже, она понимает, что нас ждёт», — подумала Анара и вся сжалась. Осознание собственного будущего обрушилось на неё песчаной бурей. Впереди у пленных были только боль, унижение и, возможно, смерть.

Как только рыжеватый диск коснулся горизонта, пред ними предстал Краков. От замка, костром пылавшего на холме, расходилась паутина изб, сараев и конюшен. Те, кто не успел поселиться в черте города, теперь ютились за каменными стенами, охватившими город в кольцо. Зато в качестве утешения им досталась близость к рынку, напоминающему по размерам ещё одно поселение. Когда телега с пленниками проезжала мимо, торговцы как раз устало сворачивали палатки.

У подножия холма, несмотря на сухое лето, неслась бурная река. От шума воды Анара поёжилась: умирать здесь ей совсем не хотелось. У ворот загорелись факелы, засуетились стражники. Не будь она пленницей, восприняла бы это как знак гостеприимства. Рядом тонко заскулила Святослава. Анара, ничего не говоря, схватила её за руку. Святослава дрожала. Анара так и не придумала, что скажет воеводе, и даже не знала, захочет ли он вообще слушать чужачку. Что она могла предложить в обмен на свою жизнь? Тело? Умение варить отвары? Или то, чем мама велела гордиться, но что сама Анара считала наказанием? Оставалось лишь молиться, чтобы её голова в ближайшее время не покатилась по площади.

Железные ворота замка проглотили телегу, точно клыкастый зверь. Извозчик остановился, и Анара услышала мужские голоса:

— Что за сброд вы привезли?

— Нарушители. Воевода должен решить, что с ними делать.

— Он сейчас трапезничает с князем. Обождите на площади.

Извозчик цокнул языком, и измождённые жарой лошади нехотя двинулись вперёд. Анара прислонилась спиной к доскам клетки и уткнулась лицом в колени. В нос ударили запахи: помои, лошадиный пот и подгоревшее мясо.

— Ты спишь? — раздался сбоку шёпот.

Анара посмотрела на Святославу и покачала головой.

— Просто не хочу на это всё смотреть.

— Что с нами сделают, как думаешь? — ещё тише спросила соседка.

Анара пожала плечами, но в голове у неё пронеслось:

«Всё, что захотят».

Когда телега остановилась, стражники выволокли пленных на площадь и поставили на колени в две линии. Вечерний воздух наполнился плачем и мольбами. Станислава оказалась далеко от Анары, но та, не переставая, смотрела на вислянку, пытаясь мысленно успокоить её. Сама же Анара боролась с дрожью в коленях. Рядом с ней посадили тяжело дышавшую грузную женщину, а с другой стороны повалился мужчина с немытыми волосами, пахнущий хмелем. Мимо сновали любопытные слуги, стражники и рабы. Несколько детей даже решили насладиться грядущим представлением и устроились на стоящей поодаль телеге.

Анара взглянула на летнее небо: со всех сторон к нему кралась ночь.

«Великий Отец Таррион, Великая Мать Элария, защитите дочь вашу».

Дубовые двери замка со скрипом выпустили наружу громкие голоса и смех. Пленные, как по команде, опасливо посмотрели на человека, показавшегося из освещённых факелами коридоров. Как только он ступил на лестницу, Анара поняла: пьян. Воевода шёл, не обращая ни малейшего внимания на заплаканные и испуганные лица, словно два десятка сидящих на коленях людей были для него чем-то обыденным. Несколько стражников подошли к нему, поклонились, и тут воевода наконец удосужился заметить пленных.

— Пусть ждут до утра.

— Но, господин, подземелья переполнены...

Воевода недовольно поёжился, поправил кафтан, выпрямил спину и кивнул, мол, показывайте. Дружинники рассказали ему про каждого. Кража, убийство, молитва старым богам, пьянство, использование иноязычия, статуэтки старых богов в доме, ещё одна молитва и ещё три кражи. Воевода выслушал их, даже не стараясь скрыть, как ему скучно и хочется домой. Когда прозвучало последнее обвинение, он приказал:

— Факел мне.

Двигаясь от одного пленного к другому, он игнорировал мужчин, но внимательно рассматривал женщин. Анара не поднимала головы, поэтому он схватил её за подбородок и резко дёрнул вверх.

— Боишься? Вот и славно.

На мгновение ей захотелось укусь его за руку — но тогда её бы убили в то же мгновение. Воевода закончил осмотр и встал перед пленными.

— Вот эту — ко мне, остальных — казнить на рассвете.

Анара в ужасе подняла глаза. Он указывал на Святославу.

— Нет, пожалуйста, возьмите меня! — завопила сидящая рядом с Анарой женщина. — Я многое могу! Вам понравится...

— Молчать! — перебил её воевода и посмотрел на стражников. — Пусть пересидят ночь в пустом погребе.

Воздух стал вязким и тяжёлым. Как бы Анара ни старалась вдохнуть, у неё не получалось сделать это в полную силу. Святослава кричала и царапала лица дружинников, пока её тащили туда, где ей предстояло стать рабыней.

Когда двери замка вновь отворились, Анара даже не повернулась. Она потеряла интерес к тем, кто перед ней стоял, и принялась нашёптывать молитвы, которым учила её мать:

— Проси богов о милосердии. Проси указать тебе свет. Проси о ещё одном дне.

И Анара просила.

— Что тут происходит?

Стражники тут же поклонились и сдвинулись в сторону. Воевода тоже согнулся почти до самой земли и ответил тоном человека, разговаривающего со своим хозяином:

— Пленные, Ваше Светлейшество. Я уже отдал все приказы, вам не о чем беспокоиться.

Анара наконец оторвалась от неба и взглянула на приблизившегося к ним человека. Пламя факела рыжиной гуляло по его волосам цвета смолы. Щетина, перец с солью, покрывала крупную квадратную челюсть и огибала плотно сжатые в линию губы. Идеально ровная спина не оставила Анаре никаких сомнений в том, кто перед ней.

— Здесь все?

— Одну я взял себе, Ваше Светлейшество.

— А ты не думал порадовать своего князя новой рабыней? Не забылся ли ты? Думаю, несколько ударов розгами напомнят тебе твоё место.

Даже в полумраке Анара заметила, как воевода побледнел. Он упал на колени и начал оправдываться, моля о пощаде. Анара еле заметно скривилась от такого жалкого зрелища.

— Выбирайте любую! Хоть всех!

Князь посмотрел на сидящих перед ним женщин. Слёзы застилали им взор. Анара решила, что ей больше нечего терять: всё равно умрёт. Она гордо подняла голову и посмотрела на князя со всей ненавистью и злобой, на которую была способна молодая девушка с такой историей, как у неё.

— Всех мне не надо, — медленно произнёс князь. — Слишком много мороки и голодных ртов.

Он взял факел и подошёл к первой девушке — скривился и двинулся дальше. Анара задержала дыхание: князь наклонился так близко, что она увидела паутину морщин в уголках его глаз.

— Откуда ты?

Она часто заморгала, не веря, что он заговорил с ней.

— Из пустыни, — выдохнула Анара, стараясь правильно произнести все звуки чуждого ей языка.

Князь сузил глаза, осмотрел её одеяния и отошёл. Он подозвал к себе стражника и сказал:

— Эту отмыть и доставить ко мне в покои.

— А остальных, Ваше Светлейшество? — кротко спросил воевода.

— Казнить без промедления.

Глава 2

Рютигер

Рютигер стоял перед единственной дверью замка, в которую ему приходилось стучать. Он знал вырезанный на деревянной поверхности узор наизусть. Три переплетённые линии наподобие кос юной девы очерчивали контур. Внутри — цветы с лепестками и кусты земляники. Ягоды так и просились их сорвать. И, конечно, птицы. Над цветами парили ласточки: две покрупнее — отец и мать — и один птенец. Рютигер приподнял руку, но так и не смог коснуться резной фигурки. За дверью было тихо. Следовало зайти, ведь от него этого ждали, но ему всё мерещилась невидимая стена, которая не давала шагнуть в покои княгини. Он дотронулся до кованой ручки и почувствовал, как в груди противно заныло. Каждая встреча приносила мучение, и они оба это знали. Рютигер отдернул руку, тряхнул головой и двинулся в противоположное крыло замка, только бы быть подальше отсюда.

Ночь и тишина окутали полуосвещённые коридоры. Рабы уже навели порядок после трапезы, и их развели по подвалам. У двери княжеских покоев горели два факела. Рютигер с предвкушением подумал о том, что ждало его внутри, с безразличием взглянул на согнувшихся в поклоне стражников и вошёл.

Сначала он даже не заметил пустынную девушку — словно неживая, та замерла у окна. Рютигер направился к столу — там его уже дожидался кувшин вина. Рабыни постарались на славу: расплели дикарские косы, одели на запястья золотые браслеты и обернули её в тёмно-синюю ткань, которая была достаточно прозрачной для того, чтобы князь увидел всё, что ему хотелось. Он сел на постель, осушил кубок и посмотрел на чужачку.

— И как ты планируешь это сделать?

Кольца золотых серёжек дрогнули, и на нежном лице промелькнуло удивление.

— Как ты планируешь бороться за свою честь? Она ведь у тебя есть. Может, рабыни дали тебе нож? — Он слегка наклонил голову, ожидая ответа. — Хотя нет, нож слишком заметен. Тогда что? В моём вине отравы? — Рютигер принялся к кубку, состроив скучающее выражение лица. Рабы слишком боялись его, чтобы так рисковать. Уж об этом он позаботился.

Она не шевельнулась.

«Упёртая, значит».

— Я считаю до трёх. Если ты не покажешь, что у тебя в руках, я позову стражников, и тебя ждёт нечто более неприятное, чем делить ложе со мной.

Вновь ни единого движения. Хотя ему показалось, что она еле заметно моргнула.

— Один.

Пустынная девушка продолжала стоять. Грудь её еле заметно приподнималась при каждом вздохе.

— Два, — медленно произнёс князь и поднялся.

Глаза её заметались.

«Ничего, и не такие ломались», — Рютигер спрятал довольную ухмылку.

Он подошёл к чужачке вплотную, так, что мог теперь уловить её разгорячённое дыхание. От неё пахло маслом из розовых лепестков. Рютигер набрал воздуха, приоткрыл рот:

— Три.

В это же мгновение что-то со звоном упало на каменный пол.

«Вот и умница», — довольно подумал он, но нарочно нахмурился посильнее.

Рютигер обошёл дрожащую фигурку и увидел заколку с заточенным остриём. Поднял украшение, вновь встал перед песчаной девушкой и недоверчиво спросил:

— Ты собиралась лишить меня жизни *этим*? — Он расхохотался.

Рютигер распахнул ставни, впустив ночную прохладу, выкинул заколку и понял, что наигрался. Схватил песчаную девушку за волосы и потащил к постели. Комната наполнилась криками на чужом языке. Размахнувшись, он ударил девушку по лицу, и она тут же стихла, обмякла в его руках.

— Знаешь, что бывает с теми, кто говорит на иноязычие?

Она давилась слезами, но он и не ждал ответа.

— Ему отрубают язык. А потом и всей его семье.

Рютигер бросил её на пол, и чужачка застонала.

— Думаешь, это жестокий закон? Пусть так. Зато меня бояться. И тебе следует, если собираешься тут задержаться. Как тебя зовут?

Она попыталась подняться, но Рютигер наступил сапогом ей на подол платья, и пустынная девушка вновь повалилась на пол.

— Анара, — тихо произнесла она.

Рютигер хмыкнул, взял её за предплечье и потянул вверх. Анара встала, слегка пошатываясь.

— Видишь: когда ты делаешь то, что я тебя прошу, нам обоим становится гораздо проще.

Анара молчала, и ему это нравилось. Он провёл ладонью по её влажным щекам и мелким кудрям, рассыпавшимся по плечам и спине. Тихо велел:

— Раздевайся.

Браслеты на запястьях Анары задребезжали. Она невыносимо медленно развязала шнурки, удерживающие платье на шее — ткань сползла по её груди и остановилась на бёдрах. Девушка замерла. Рютигер провёл пальцами по её ключицам, не касаясь золотистого лифа, который всё ещё оставался на ней. Увидев, что рабыня не слишком торопится, он взялся за нити овальных синих стекляшек и сильно дёрнул. Бусины дробью упали на пол. Анара в ужасе уставилась на него медово-кариими глазами.

— Быстрее.

Анара стянула с себя платье, и Рютигер увидел, что она стоит без обуви. Сам он чувствовал холод пола даже в сапогах.

«Что, если она дрожит не от страха?»

Рютигер отметил про себя: будь её кожа белоснежной, ей бы не было равных во всём княжестве. Он вновь схватил Анару за волосы, притянул к себе и поцеловал. Губы у неё были сухими, словно из них выжали всю влагу. Анара на мгновение отодвинулась.

«Не хватает воздуха», — подумал Рютигер.

Когда он снова коснулся её рта, губу пронзила резкая боль. Он оттолкнул чужачку и попятился. Вытер рот ладонью — и увидел на ней алую полоску.

— Я могу быть вам полезна, но по-другому.

От такой дерзости он онемел.

— Вы можете взять меня, а потом снова и снова. Но ведь этого будет мало, правда?

Рютигер нахмурился. Он повидал разное: его умоляли на коленях, предлагали сделать всё что угодно, лишь бы пережить ночь с ним, обещали ему денег. Ему! Князю, под властью которого теперь были земли по обе стороны от реки Вислы и выход к морю.

— Тебе нечего мне предложить, кроме своего тела, — сквозь зубы проговорил он.

— Моя мать была целительницей, — невозмутимо ответила Анара. — Она передала мне свои знания. Мы целых три года помогали людям на южной границе княжества. Снимали жар, зашивали раны, помогали роженицам...

Рютигер вспомнил безголовое тело последнего лекаря. Русая борода побурела от запёкшейся крови. Рютигер не верил, что у этого глупца получится всё изменить. Как и у нескольких десятков тех, кто были до него.

— С чего ты взяла, что в замке нужна целительница?

Она не ответила, но князь уже и сам догадался.

«Проклятые болтливые рабыни».

Рютигер снова скользнул взглядом по обнажённому телу и понял, что ему нужен ещё один кубок вина. В голову тут же полезли мысли, от которых он отказался несколько лет назад. Он запретил себе надеяться, но такой целительницы, как эта чужачка, в замке ещё не было. Все её предшественники не вызывали у Рютигера ничего, кроме раздражения, но то, как Анара цеплялась за жизнь, позабавило его. Князь знал, что у неё ничего не выйдет, но очень уж хотел продолжить эту игру. Стоило дать ей шанс — а затем взять то, что и так принадлежало ему. Сделав несколько глотков, он нехотя крикнул:

— Стража!

Он заметил, как Анара вздрогнула, и отвернулся, чтобы она не увидела его ухмылки.

— Не смей одеваться без моего разрешения, а не то отдам тебя им.

Дверь открылась. Один из стражников зашёл в покои князя и нелепо застыл, разглядывая Анару.

— Привести ко мне тех рабынь, что её одевали.

— Да, Ваше Светлейшество, — поклонившись, ответил стражник и хищно глянул на Анару перед тем, как удалиться.

Рютигер повернулся.

— С завтрашнего дня ты будешь принимать слуг, рабов и дружинников, которые жалуются на здоровье. Мои люди будут наблюдать за тобой.

Он вновь шагнул к ней.

— Я знаю обо всём, что происходит в этом замке. Не думай, что у тебя получится сделать хоть что-то без моего ведома. Если за семь дней ты не разочаруешь меня, я дам тебе работу. Но лёгкой она не будет, уж поверь.

Анара кивнула.

«Слишком самоуверенна. Такие долго не живут».

— Оденся.

Анара схватила с пола платье и стремительно натянула его. Князь с удовольствием заметил, как у неё трясутся руки. Он шагнул к ней, провёл по волосам и потянул вниз так, что спина её изогнулась.

— И если ещё хоть раз задумаешься о том, чтобы убить меня, каждый дружинник в моём замке возьмёт тебя, а потом твоё тело выкинут в реку. Это понятно?

Морщась от боли, она прошептала:

— Да, Ваше Светлейшество.

В покои постучали, и Рютигер дал Анаре разогнуться.

— Войдите!

Стражники завели трёх рабынь в серых льняных платьях. Женщины покорно склонили головы и встали у стены.

«Хоть кто-то в этом замке знает своё место».

Он схватил Анару за предплечье и толкнул к выходу.

— Эту отвести в покои лекаря. Дать пищу и одежду. Выставить стражу. О каждом шаге докладывать.

Он наклонился к Анаре и прошептал на ухо:

— И не вздумай больше со мной торговаться.

Стражники позволили Анаре выйти и закрыли за собой дверь. Рютигер, даже не посмотрев на рабынь, прошёл к столу, допил оставшееся вино и произнёс:

— Решайте сами, кто будет первой — мне плевать.

Когда его пальцы впились в обнажённые белые бёдра, Рютигер закрыл глаза и представил волны чёрных кудрей.

Глава 3

Анара

Её посадили по центру стола. Слева — рабы, справа — слуги, выбранные из местных жителей. Стражник, который привёл её на утреннюю трапезу, указал именно на это место. Анаре показалось, что он так и не смог решить, рабыня она или служанка. Перед ней поставили глиняную тарелку с горкой пшеничной каши и стакан молока. Пока слуги оживлённо болтали, рабы ели молча. Анара решила последовать их примеру, осторожно посматривая на тех, кто делил с ней пищу — вот только то и дело натыкалась на любопытные и недоверчивые взгляды, скользящие по её одеяниям. Когда дружинник бросил перед ней стопку одежды, Анара испугалась, что это очередной наряд наложницы — но, к счастью, ошиблась. Она надела рубаху молочного цвета с завязками на груди, а поверх натянула бордовый сарафан, доходивший до пят. На талии она закрепила кожаный ремень, который рабыни не стали выкидывать по её просьбе. Платью песочного цвета повезло меньше. Она заплела две толстые косы и завязала их куском простой бечёвки, взятой в покоях бывшего лекаря. Анара была уверена, что одета как все слуги. Оказалось, что и они, и рабы носили сдержанные цвета: серый, белый, болотный и коричневый. Некоторые служанки смотрели на её бордовый сарафан с завистью.

Когда на тарелке ничего не осталось, Анара встала и уже хотела сказать стражнику, что готова идти, как в подвал зашли три рабыни. Пока накануне вечером они омывали её тело, одна из женщин жаловалась другой:

— С этой стиркой вся кожа потрескалась! Лекарь давал мне мазь — а теперь что делать? Как мы без него?

— Найдут другого.

Они были вежливы с Анарой. Самая младшая рабыня случайно уколола её заколкой и чуть не расплакалась, умоляя пожалеть её и не говорить князю. Бедняжка ещё не знала, что Анара решит использовать украшение как оружие.

«Надо поблагодарить их».

Анара двинулась к ним навстречу и улыбнулась. Женщины даже не посмотрели на неё — сильнее сторбились и прошли мимо так, словно не знали её.

«Неужели они боятся? — подумала она. — Но ведь здесь всего несколько стражников, и следят они за мной, а не за ними».

И тут Анара вспомнила, что ночью женщины остались с князем наедине. Догадки заполнили голову. Захотелось броситься рабыням в ноги и умолять о прощении. Что бы там ни случилось, они пережили наказание, предназначавшееся ей. Она нелепо застыла, смотря рабыням вслед.

— Шевелись! Его Светлейшество велел тебе начать как можно раньше, — раздалось за спиной.

Анара вздохнула и поплелась в покои, которые на ближайшие семь дней должны были стать её убежищем.

Теперь, когда солнце лениво заползло в комнату через распахнутые ставни, Анара убедилась, что её предшественник был неряхой. Банки со смесями стояли на полках в странном порядке, высушенные травы, лежащие на столе, обсыпались на пол. Когда Анара сняла крышку с котла и принялась к содержимому, её чуть не стошнило. От бурой жижи она избавилась в первую очередь, передав котёл недовольному стражнику. Большую часть запасов пришлось выбросить: отсыревшие и прогнившие, они больше не подходили для лечебных отваров.

Пока Анара убиралась, она то и дело поглядывала на дверь в ожидании тех, кому нужна будет её помощь — но в коридоре топтались только дружинники, обсуждавшие размер жалования и куда они пойдут выпить сегодня вечером. Когда в покои зашла служанка, Анара чуть не подпрыгнула от радости, но та лишь поставила ведро с чистой водой и ушла. Ничего не оставалось, кроме как намыть пол и составить список трав, которые нужно собрать и высушить.

Когда стражник велел ей собираться на обеденную трапезу, Анара часто заморгала густыми чёрными ресницами:

— Могу ли я вместо обеда сходить на поле? Мне не хватает трав и цветов. Без них я людям помочь не смогу.

Дружинник недовольно нахмурился, помялся на месте и бросил короткое:

— Жди.

«Ни шага без разрешения князя», — раздражённо подумала Анара.

Её надзиратель вернулся достаточно быстро, но ещё более хмурым, чем был до этого.

— Пошли.

— На поле? — с надеждой спросила Анара.

— А ты куда-то ещё собралась?

Анара скрыла ухмылку, осмотрела полки, повторила про себя список трав и двинулась за стражником.

Замок напоминал муравейник: суевающиеся слуги заполнили коридоры. Анара слышала шаги, шелест юбок и беспокойные голоса. В воздухе чувствовался страх. Анара видела его в нервных движениях стражников, в напряжённых фигурах рабынь, озирающихся по сторонам. В пустыне они все не прожили бы долго: слабым там не место. Не каждый сможет просыпаться по утрам и думать о том, где достать воду и пищу, как укрыться от выжигающего кожу солнца. Анара умела и выбираться из песчаной бури, и сбежать от вражеских всадников, но выживать в стенах замка под надзором самого князя ещё не пробовала. Каждый шаг мог стать последним, каждое слово могло отправить её на дно реки. Оставалось повторять себе излюбленные слова матери:

— Ещё один день.

В детстве Анара думала, что ей обещают какой-то подарок — нужно лишь подождать до завтра. Но на следующее утро повторялось то же самое. Она обижалась и убегала из пещеры, служившей им домом. Так продолжалось, пока они с матерью не покинули пустыню. В то утро Анара наконец поняла: теперь у них одна цель — пережить ещё один день.

Анара вышла из замка, от холода которого её тело была постоянная дрожь. Летний воздух уже успел нагреться настолько, что у стражи, охраняющей вход для прислуги, от пота блестели виски и лбы. Анара почувствовала на себе взгляды мужчин, но поднять голову не решилась — привычка чужачки, вечно опасавшейся привлечь к себе излишнее внимание. Она проследила за движением стражника, махнувшего в нужном направлении, и, зайдя в тень от стены замка, двинулась вперёд. Её надзиратель шёл на два шага позади — достаточно, чтобы не дать ей сбежать. Анару учили никогда не поворачиваться к врагу спиной, но она утешала себя: «Пока я интересна князю, меня не тронут».

На площади было тихо: многие отправились на обед, некоторые дремали в тени каменных стен. На пустых бочках растянувшись грелся серый кот. Подняв на Анару и её надзирателя сонные глаза, он зевнул и перевернулся на другой бок.

«Мне бы твоё спокойствие», — с завистью подумала Анара.

Она замерла, разглядывая множество построек вокруг замка, пытаясь вспомнить, куда утащили Святославу. Но все ставни и двери казались одинаковыми.

«Хоть бы она пережила эту ночь».

— Чего встала? — раздалось у неё за спиной.

Анара уже собиралась съязвить, как с одной из улиц послышались крики — мужские голоса перемешались с лошадиным ржанием. Вся площадь разом встрепелась. Кот выгнул спину, выпустив когти, и скрылся из вида. Цокот копыт приближался. Анара осторожноглянула на стражника: тот достал меч и приготовился к нападению. Конь, вылетевший из-за угла подобно песчаной буре, громко заржал, заставив Анару вздрогнуть.

— Великие Отец и Мать!.. — прошептала она.

Чёрная грива разметалась, хвост задрался по-петушиному, через ноздри с шумом вылетал воздух. На шее у жеребца завязали верёвку, но, судя по оторванному концу, она его не сдержала. Гнавшиеся вслед за конём мужчины извергали из себя проклятия, но Анара тут же обратила внимание на седого человека с волосами до плеч — он спокойно шёл позади, словно происходящее его никак не занимало. Жеребец продолжал метаться по площади. Едва мужчины приближались к нему, он вставал на дыбы и размахивал копытами. Стражник, продолжающий стоять за спиной Анары, фыркнул и убрал меч.

— Может, им помочь?

— Ещё чего, мне и так работы хватает, — недовольно буркнул он.

Анара закатила глаза, поставила указательный и большой палец между зубами и трижды коротко, но достаточно громко свистнула. Конь резко повернул голову в её сторону.

— Хэ-э-эйх! — Она почти пропела команду, понятную только ей и жеребцу. Тот фыркнул на приблизившегося мужчину и медленно побрёл к Анаре.

— Ты что творишь? — подал голос удивлённый стражник.

Она сделала вид, что не услышала, и осторожно шагнула навстречу коню.

— Далеко же ты забрался от дома, малыш, — произнесла Анара на родном языке.

Она остановилась сбоку от него, погладила по шее, переходившей в мускулистые плечи и сухие ноги, и ухватила за край верёвки.

— Уже вижу, как сплетни разлетаются по городу: юная девушка успокоила взбесившего арабского скакуна!

Она осторожно обернулась — на неё с улыбкой смотрел седовласый мужчина. Анара не нашлась, что ответить, и просто передала ему верёвку.

— Кто ты? Я тебя раньше тут не видел.

— Целительница, — ответила Анара и, посмотрев на стражника, добавила: — Временная.

Мужчина понимающе кивнул.

— Я Матеуш. Конюх. Надеюсь, постоянный.

Анара приподняла уголки губ и назвала своё имя. Стоявший рядом конь завертел ушами, нервно поглядывая на своих неудавшихся преследователей.

— Ему не место здесь, — серьёзно сказала Анара. — Откуда он у вас?

Матеуш пожал плечами.

— Князь выкупил у какого-то торговца. Говорят, кучу денег заплатил. Я такой породы никогда не встречал. А ты?

Анара заметила, как он прищурился. Инстинкты выживания тут же дали о себе знать: «Никому нельзя доверять».

— Эти лошади не продаются, — холодно бросила она. — Ими можно завладеть, только если хозяин мёртв. Таков закон.

Матеуш явно хотел что-то ответить, но со стороны замка раздалось:

— Дорогу Его Светлейшеству!

Все, кто находился на площади, тут же поклонились. Анара нехотя последовала их примеру, а когда подняла голову, поймала на себе недовольный взгляд князя. Он стоял на лестнице и хищно наблюдал за происходящим. Воспоминания о прошлой ночи нахлынули так резко, что Анара вцепилась в сарафан.

— Будь осторожна, — тихо проговорил Матеуш. — Те, кто не нравится князю, живут мало — но ещё меньше живут те, кого он не может заполучить.

Анара удивлённо посмотрела на нового знакомого. Конюх продолжал стоять, согнувшись, но на лице его не было ни толики покорности.

Разложив на столе травы и цветы, которые её надзирателю пришлось тащить с поля, Анара глубоко вдохнула и улыбнулась. Такое разнообразие даже спустя несколько лет не переставало удивлять её. Местные чаще всего не выезжали за пределы княжества, а потому не могли и представить, какая плодородная здесь почва. Они уже привыкли заваривать успокаивающий чай с ромашкой, лечить раны подорожником, останавливать кровь тысячелистником, пить настой из мяты при тошноте. У народа Анары чаще всего выбор стоял между верблюжьей колючкой и каперсами. В хорошие дни им с матерью удавалось найти полынь и розмарин, но несколько кустиков не могли сравниться с целыми полями маков и васильков. Пустыня учила их выживать и делала их тела выносливее с каждым днём. Великие Отец и Мать не могут защитить всех своих детей, поэтому им приходилось делать это самим.

Прежде всего Анара разделила травы на пучки, чтобы их удобно было повесить для сушки, оторвала головки ромашек и разложила их по банкам, постучала скалкой по подсолнуху и собрала выпавшие семечки. Постепенно покои наполнились ароматом, который так же витал в их с матерью сарае — у них не было денег на дом, языка они не знали, поэтому попросить о помощи не могли. Несколько ночей они провели на улице, слушая завывание волков в лесу. Они брели от одного поселения к другому в поисках крова и работы. Анара не жаловалась, потому что знала, что маме ещё тяжелее: боли в груди становились более непредсказуемыми и случались даже после коротких прогулок. Анара молилась, пока собирала в лесу ягоды, пока вела маму под руку до следующего привала, пока слушала ночами её сбивчивое, хриплое дыхание. И боги ответили.

Анара и не думала, что они с матерью осядут на этой земле. Громкая, жужжаще-звнящая речь местных пугала её, но заброшенный покосившийся сарай на окраине княжества приютил странствующих женщин в одну из дождливых ночей, а затем и стал им домом. Мама убеждала Анару, что это временно: ей нужно восстановиться после долгой дороги — но дни шли, а силы никак не возвращались. Тогда Анара поняла, что настала её очередь искать пропитание, работу и надежду, достаточную для них обеих. К счастью, до болезни её мать успела сделать главное — научить дочь, как заживлять раны, избавлять от бессонницы и восстанавливать переломы. Эти умения спасали Анару по сей день.

Небо порыжело — вечер принёс облегчение в утомлённое жарой княжество. Анара полила из ковша себе на руки и вычистила зелень из-под ногтей. Когда в коридоре послышались голоса, она решила, что настало время ужина, и с готовностью встала со скамьи. Анара уже начала привыкать к тому, как бесцеремонно в её покои врываются стражники, но в этот раз это были не они.

Матеуш поддерживал стонущего от боли мужчину с неряшливой копной русых волос. Анара тут же подхватила его с другой стороны и помогла усадить на табурет.

— Что случилось?

— Эта бестия проклятая, чтоб её... — выругался мужчина.

— Твой копытный друг постарался, — пояснил Матеуш, смотря на Анару с лёгкой улыбкой. — Снёс бедного Леха, и он неудачно упал.

Пока он говорил, Анара разрезала рукав рубашки и взглянула на опухшую конечность. Мужчина продолжал стонать и проклинать коня.

— Радуйтесь, что упали левым боком.

— Радоваться? — взревел мужчина.

— Ну-ну, — успокоил его Матеуш и мягко похлопал по здоровому плечу. — Целительница хочет помочь, не мешай.

Лех притих, хоть и продолжал недоверчиво посматривать на Анару. Впрочем, ей было не привыкать. Она отправила Матеуша за капустой на кухню, а когда он вернулся, обездвижила руку, используя небольшую дощечку, положила листья на припухшее место и обернула куском ткани. Затем она отрезала кусок от рубахи, которая уже всё равно была испорчена, и повязала его так, что рука Леха оказалась в согнутом состоянии у того на груди.

— Заживёт, — проговорила Анара. — Но в конюшню ближайшие недели две я бы не советовала ходить. Не поднимать ничего тяжёлого и не делать резких движений. Придёте завтра утром, я посмотрю на руку и наложу лечебную повязку.

Матеуш помог Леху подняться:

— Тебя проводить?

— Я сам, — буркнул тот, коротко кивнул Анаре и вышел.

— Ловко ты с ним, — заметил Матеуш.

Анара пожала плечами и принялась наводить порядок. Она ждала, что конюх уйдёт, но тот сел на табуретку и спросил:

— Как мне назвать коня?

Анара покосилась на него, но всё же ответила:

— Рих.

— Что это значит?

— Ветер.

Конюх слегка нахмурился.

— Князь не одобряет иноязычия. Предлагаю Ветерок. Ему бы, конечно, подошла более грозная кличка, но боюсь, что Булочка, Маковка и тем более Снежок — красавец невероятный — его не примут.

Анара не смогла сдержать улыбку.

— Значит, Ветерок.

Она закончила прибираться на столе и выжидающе посмотрела на Матеуша. Уходить он по-прежнему не спешил.

— У вас тоже что-нибудь болит? — Она прищурилась.

Он покачал головой, но лицо его тут же погрустнело.

— Бессонница замучила.

Анара понимающе кивнула, отсыпала в один мешочек ромашки, а в другой — семена подсолнуха.

— Чайную ложку ромашки на стакан горячей воды. Попейте перед сном недельку. Должно стать полегче.

— А семена?

— Просто погрызите после приёмов пищи. Они полезны.

Матеуш спрятал мешочки в карман и благодарно улыбнулся.

— Может, у тебя ещё и от кошмаров средство есть?

Анара убрала банки обратно на полку и тихо ответила:

— Если от кошмара не получается убежать, надо с ним встретиться.

— Поверь, я встречаюсь с ним почти каждый день.

Анара взглянула на него: Матеуш сидел, уставившись в окно. Из-за рыжих теней он на мгновение показался ей дряхлым стариком. Матеуш поёжился, словно стряхнул тяжёлые воспоминания и поднялся:

— Мой сын говорит, что мне нужно меньше переживать обо всём, тогда и кошмары не будут сниться.

— Боюсь, это не так просто.

— Вот именно.

Он поблагодарил её за помощь и бросил напоследок:

— Будь осторожна.

Во время вечерней трапезы Анара наконец почувствовала вкус еды. Ей досталось куриное крыло с поджаренной корочкой, и она с удовольствием обглодала тонкие кости. В этот раз Анара столкнулась взглядом с несколькими парами глаз, но они скользили по ней так же, как и по остальным слугам: после изнурительного дня у слуг и рабов пропал интерес к чужачке. Анара выпила стакан воды, убрала за собой посуду и вернулась в покои.

Отсутствие собственного дома приучило её быстро привыкать к любому месту, где она могла найти хотя бы подобие постели и крышу, с которой не капало. Поэтому даже крохотная комнатка бывшего лекаря в замке человека с неограниченной властью стала для неё оазисом посреди пустыни безнадёжности.

Анара разделась, натянула ночную рубашку и выглянула в окно. В противоположном крыле замка виднелся огонь свечей в чьих-то покоех. Анара пригляделась, но не смогла рассмотреть ничего, кроме тёмных размытых силуэтов.

«Значит, бессонница мучает не только конюха».

Её разбудили крики и топот. Анара часто заморгала, пытаясь понять, где находится. Глянула в окно — чернота ночи сражалась со светом звёзд.

— Где он? Приведите его! Мне больно!

Анара подскочила, замешкалась, пытаясь зажечь лучину, натянула сарафан поверх ночной рубашки и выскочила в коридор. Стражников у её дверей не оказалось. Она огляделась по сторонам и пошла на шелест одежд и шёпот. Пламя подрагивало от её прерывистого дыхания.

Долго искать не пришлось: Анара миновала несколько поворотов, прислушалась и тут же увидела, как из темноты появился желтоватый круг света.

— Княгиня, вам нужно вернуться в постель. Мы ведь уже отправили стражников к князю.

— Мне нужен лекарь, а не мой муж, бестолочи!

Служанки вели под руки согнувшуюся пополам женщину — она, не прекращая, стонала от боли. Последний раз Анара слышала такие завывания от роженицы. Одна из служанок заметила Анару и издала возглас облегчения:

— Княгиня, вот новая целительница, она вам точно поможет!..

Страдалица попыталась выпрямиться. Глаза её сначала показались белыми и пустыми, как у мертвецов, восставших из земли. Анара в ужасе попятилась, решив, что ей снится очередной кошмар.

— Что ты встала? Мне больно!

— В-ведите её в мои покои, — запинаясь, проговорила Анара.

Процессия двинулась дальше по коридору, а Анара тем временем схватила за руку одну из служанок, идущих за княгиней, и прошептала:

— Что с ней?

— Женские боли, — тихо ответила та. — Она, бедняжка, постоянно так мучается. Помогите ей, Господи...

Анара побежала обратно в покои: княгиню уже уложили на постель, служанки окружили её и наговаривали успокаивающие слова. Некоторые молились, сложив ладони вместе. Анара, стараясь не обращать внимания на стоны, достала большую глиняную миску, бросила в неё сухой мох и немного бересты, а затем ударила кремнем по огниву. Пока пламя разгоралось, в коридоре вновь послышался шум.

— Мне плевать, что вы там думали! Я велел не выпускать её из покоев!

Стоны и причитания разом стихли. Служанки подскочили и вытянулись вдоль стены. Анара продолжала заниматься своим делом, стараясь не замечать дрожь в руках. Шаги при-

ближались, уже через несколько мгновений дверь раскрылась, и в неё влетел взъерошенный князь в наспех заправленной рубахой.

— Что здесь происходит? — медленно спросил он, переводя взгляд с жены на целительницу.

— Рютигер, я больше не могла терпеть... — ответила ему княгиня. На лице её застыла гримаса боли.

Князь набрал в лёгкие воздуха и посмотрел на служанок.

— Я велел давать ей маковое молоко!

— Оно закончилось, Ваше Светлейшество... Ещё неделю назад. А приготовить его было некому... — дрожащим голосом проговорила она из женщин.

Тогда Рютигер посмотрел на Анару.

— Я не давал разрешения лечить княгиню. Что ты собралась делать?

Анара подавила раздражение, поклонилась и мягко сказала:

— Ваше Светлейшество, я лишь хочу облегчить её боль. Но я не притронусь к ней, если такова ваша воля.

— Рютигер! — отчаянный крик прокатился по покоем.

Князь побледнел и уставился на жену.

— Если ты не разрешишь ей помочь, видит бог, я наложу на себя руки.

Рютигер прикрыл глаза, вздохнул и хрипло сказал, не глядя ни на кого:

— Сделай всё, что в твоих силах.

Анара поняла, что эти слова предназначались ей, и вновь повернулась к столу. Она быстро насыпала в мешочек трав, завязала, взяла железные щипцы и принялась нагревать его над огнём. Когда он стал достаточно горячим, Анара замотала его в кусок ткани и осторожно положила княгине на живот. Оставалось приготовить маковое молоко. Больше Анара ничем не могла помочь, поскольку никто и словом не обмолвился о том, что происходит с княгиней. Одно она знала точно: из-за женских болей так не кричат.

Когда княгиня затихла и веки её начали смыкаться, Рютигер велел стражникам отнести её обратно в покои, но Анара не позволила:

— Не нужно её тревожить! Оставьте княгиню здесь на ночь. Я посплю на полу и заодно присмотрю за ней, если приступ повторится.

Князь взглянул на жену, которая свернулась клубочком на постели Анары, и, нехотя кивнув, велел страже нести дозор у двери. Когда их оставили вдвоём, Анара оглядела покои, вздохнула, представив, сколько уборки ей предстоит с утра, и села на табурет возле стены. Спать после пережитого уже не хотелось.

За княгиней пришли рано — служанки помогли той подняться, забрали пропитанные потом простыни и сказали Анаре зайти уже после утренней трапезы, когда княгиня вымоется и поест. Едва на столе вновь воцарился порядок, раздался стук, и в дверь просунулась по-прежнему немытая голова Леха:

— Доброго утра, целительница! Можно?

Анара устало улыбнулась ему, отметив вежливый тон, и позволила войти. Капустные листья сделали своё дело: за ночь отёк исчез, и рука выглядела куда лучше. Но боль не ушла — Лех попробовал разогнуть руку и скривился.

— Помните, что я сказала? Никаких тяжестей и резких движений.

— Да как же я без работы-то? Семью кто прокормит? Сосед?

— Поговорите с Матеушом. Думаю, он поймёт.

— Он-то поймёт, а вот... А, ладно. — Он махнул здоровой рукой и поднялся. — Придумай что-нибудь. Не впервой же.

— Через пару дней зайдите ещё раз. Я посмотрю на руку.

Он кивнул, взял холщовый мешок, с которым пришёл, повозился, пытаясь развязать его, и сказал:

— А жена моя, Любава, тут передала кое-что... — Он положил на стол свёрток, замотанный в платок. — Велела в ноги кланяться.

Анара осторожно развязала концы ткани и с удивлением обнаружила внутри кусок ещё тёплого пирога с яблоками и крохотную баночку мёда.

— Яблочки-то крупные в этом году, но кисловаты. Поэтому с мёдом — просто сказка.

Анара скомканно поблагодарила Леха: ей не хватило сил сказать, что на этой земле ей никогда ничего не дарили. За каждую крошку еды приходилось бороться или работать днями и ночами. Анара никогда не воровала: мать запретила ещё в детстве.

— У нас есть всё, что нужно. Остальное даст природа, — сказала она дочери.

И Анара жила, послушно следуя этому наставлению. Временами она жаловалась на несправедливость: у кого-то были поросята на вертелах, а им приходилось печь хлеб раз в пять дней, чтобы сберечь муку. Всё больше теперь Анара злилась на торговку, обвинившую её в краже, но повернуть время вспять не могла. Оставалось лишь учиться выживать в этом замке и вдыхать аромат ещё тёплого пирога.

Сразу после утренней трапезы Анара решила сходить на реку.

— Это ещё зачем? — недовольно пробасил стражник, который заступил на дневную смену.

— Мне нужно собрать водоросли для компрессов, — терпеливо объяснила Анара.

— Я тебе не нянька. Скажу рабам, чтоб сходили.

— Одна я знаю, какие водоросли подходят! Если собрать не те, можно случайно отравить человека.

Стражник нахмурился и коротко сказал:

— Туда и обратно. И без глупостей.

Правда состояла в том, что она бы с радостью доверила сбор водорослей рабам. Но на кону было здоровье княгини, а значит — и жизнь самой Анары. Только вот не было во всём свете ничего хуже для девушки, родившейся в пустыне, чем глубокие водоёмы. Она не могла контролировать то, что происходило с ней, когда ступни касались влажного берега, поэтому одна мысль о том, чтобы зайти в воду по колено или — ещё хуже — по пояс, превращала тело в каменную статую. Можно было сделать отвар из листьев малины и ромашки, но княгиня явно нуждалась в более сильном лекарстве — так Анара убеждала себя, спускаясь с холма, одетого в зелень.

Надвигающаяся на замок жара делала смолистый аромат ели, ивы и берёзы сладковато-смолистым. Местные деревья не нуждались в дожде — река Висла питала их и днём, и ночью. Из неё поили лошадей, набирали воду для купания и готовки, тут же стирали бельё — Анара разглядела на берегу женщин, с большими плетёными корзинами. Две служанки, подвязав платья так, чтобы ткань не намокла, стояли в воде и полоскали простыни. Пройдя чуть выше по течению, Анара оставила стражника в тени ивы и спустилась к реке. Сняв обувь, она коснулась ногами травы и замерла. На мгновение ей показалось, что даже солнце остыло и больше не греет кожу. Анара слушала шелест воды. Других он бы точно успокоил — её заставлял дышать глубже.

«Водоросли растут прямо у берега, тебе не нужно заходить глубоко», — проговорила она про себя.

— Давай шевелись там! Я не собираюсь тут весь день высиживать, — послышался голос стражника.

Анара хотела огрызнуться, но страх сковал ее тело и разум. Дрожащими руками она подняла сарафан и завязала его чуть выше колен. Ноги утонули во влажном песке, перемешанном с мелкой галькой. Анара остановилась у самой кромки реки. Вдох-выдох.

«Я не утону», — твердо сказала она себе и шагнула вперед.

Вода оказалась теплой. Она игриво коснулась кожи Анары, раскидав россыпь брызг по ногам.

«Не так уж и страшно».

Волнистые ленты темно-зеленых водорослей подрагивали в такт течению. Анара нерешительно шагнула поближе к ним, наклонилась и уже коснулась рукой, как вдруг услышала шепот:

— Уходи.

Она резко выпрямилась и осмотрелась. Смех служанок звучал по-прежнему звонко. К нему добавились свист скучающего стражника и перебранка двух рыбаков, сидящих в лодке неподалеку. Рядом с ней никого не было. Анара тряхнула головой, пытаясь избавиться от навязждения.

«Послышалось», — успокоила она себя.

Вновь наклонившись, она сгребла несколько водорослей и дернула изо всех сил.

— Беги, — раздалось в её голове.

Анара попятилась, но нога увязла в песчаном дне, и она повалилась в воду.

— Эй, ты чего там? — крикнул стражник.

— Споткнулась, — дрожащим голосом ответила Анара.

Река приняла её в свои объятия. Сарафан тут же промок, и бордовая ткань потемнела, став почти коричневой. Анара не могла пошевелиться — и ей оставалось только пытаться восстановить сбившееся от ужаса дыхание.

— Убирайся, — вновь прозвучал шёпот — так близко, словно перед ней стоял человек.

— Кто ты? — еле выговорила она.

Ощущение присутствия разом исчезло, растворилось подобно сну. Анара медленно поднялась, бросила водоросли на берег, отжала платье и подняла голову. Один из рыбаков пристально смотрел на неё. Медь его волос сверкала на солнце, рыжеватые брови сошлись у переносицы.

«Я не безумна», — мысленно ответила Анара на его взгляд и, отвернувшись, вышла на берег.

Всю дорогу до замка она убеждала себя, что разум её всего лишь поддался страху перед глубиной.

Княгиня Хелена ждала её, сидя в кровати. Потоки тёплого воздуха покачивали пшеничные пряди. Одна из служанок рассказывала госпоже историю, ещё две вышивали, сидя в углу. Когда Анара поклонилась, на измученном лице Хелены ничего не отразилось — она была в сознании, но тело её находилось в состоянии, похожем на сон.

Анара никак не могла понять, сколько лет княгине. Тусклые серые глаза, так напугавшие её прошлой ночью, и глубокие морщины в уголках глаз и между бровей делали из неё почти старуху. Но в волосах не было ни одной седой волосинки, а тело казалось упругим и молодым. Анара осторожно заняла место рядом с кроватью и мягко позвала:

— Княгиня...

Хелена еле заметно вздрогнула и повернулась к Анаре.

— Ты пришла. Я думала, ты мне привиделась.

— Я хотела узнать больше о вашем недуге. Тогда я смогу подобрать нужные травы и помочь вам.

Хелена посмотрела на служанок и тихо проронила:

— Оставьте нас.

— Но, княгиня, Его Светлейшество велел...

— Я сказала: уйдите!

Служанки подскочили, коротко поклонились и вышли.

— Носятся со мной так, что мне порой тошно от одного их вида.

Анара попыталась улыбнуться.

— Как вы сейчас себя чувствуете?

— Пока моё тело не разрывается на части, всё прекрасно.

— Что у вас болит во время приступов?

Хелена слабо усмехнулась.

— Огонь разгорается в животе, а затем переходит в грудь, руки и ноги. Словно меня вращают на вертеле над костром. В голове вечный звон и голос...

— Голос? — перебила её Анара.

Княгиня поморщилась и добавила чуть тише:

— Мне никто не верит. Рютигер думает, что я обезумела после... — Пальцы её тут же впились в одеяло. — Но это ложь! — громко проговорила она. — Я слышу его. Правда, слышу. Ты мне веришь?

Она резко наклонилась к Анаре, проследила за неуверенным кивком, вновь откинулась на изголовье кровати и прошептала:

— Это Господь наказывает меня за грехи.

— О чём вы говорите?

Плечи княгини подрагивали, словно она несколько часов провела на морозе. Анара поняла, что больше ничего не добьётся, поэтому позвала служанок и объяснила, как часто давать отвары и маковое молоко. Она велела позвать её при следующем приступе, даже если он случится глубокой ночью. Уходя, Анара ещё раз взглянула на княгиню: серые глаза вновь показались ей неживыми.

Глава 4

Матеуш

За пределами загона вновь раздался хохот и восторженный свист, но радоваться было нечему. Матеуш облокотился на деревянное ограждение и хмуро уставился на человека, валявшегося в пыли. Уже третьему всаднику не удалось оседлать Ветерка. Конь демонстративно повернулся к несчастному крупом и, просунув морду под нижним брусом загона, попытался ущипнуть несколько травинок, растущих поблизости.

— Я следующий!

Матеуш проследил за Владиславом — самым крупным из работников конюшни. Поговаривали, что однажды он даже перекинул через плечо лошадь, чтобы вытащить ту из пожара. Но когда Матеуш попытался узнать, видел ли кто это происшествие вживую, никого не нашлось.

Владислав встал на противоположной от Ветерка стороне и несколько раз цокнул языком. Конь сделал вид, что обращаются ни к нему, и лишь продолжил обмахиваться длинным чёрным хвостом. Владислав засучил рукава и пробормотал:

— Я тебе покажу, кто тут главный.

Он решительно двинулся к коню, шаркая так, чтобы запугать Ветерка.

«Глупец, — подумал Матеуш. — Пугать и без того пугливое животное — это прямая дорога...»

Он не успел даже решить, куда ведёт эта дорога, как услышал ржание. Ветерок резко подался назад и, даже не оглядываясь, выпрямил заднюю ног так, что копыто угодило akurat Владиславу в живот. Мужчина тут же согнулся пополам и завыл.

«Зато целительница не заскучает».

Матеуш порылся в кармане, достал оттуда крупную семечку подсолнечника и сгрыз её, бросив шелуху под ноги.

Владиславу помогли вылезти из загона, и Матеуш оглядел всех собравшихся в надежде, что молодые захотят показать свою силу и ловкость. Но после того как досталось даже широкоплечему громиле, желающих не осталось.

Матеуш с грустью посмотрел на Ветерка. Князь велел объездить коня, так как собирался сменить лошадь, на которой ездил последний год. Матеуш знал, что Рютигер наблюдает за происходящим со стены замка, но поворачиваться не хотел: встретиться с князем взглядом означало признать поражение. Опять. Матеуш уже было собрался увести Ветерка, как люди разом стихли. Он огляделся и понял, что ошибся. Князь не следил за ним со стены — он двигался по пыльной дороге прямо к загону, а рядом с ним покорно шла Анара.

«Рютигер ничего не забывает», — пронеслось у Матеуша в голове.

В гуще свинцовых туч, которые блуждали вокруг замка с самого утра, раздался первый раскат грома. Достаточно далёкий, чтобы не испугаться, и достаточно близкий, чтобы быть наготове.

Склонив голову, конюх поприветствовал князя:

— Ваше Светлейшество.

— Судя по всему, конь оказался хитрее вас всех, — с усмешкой произнёс Рютигер.

— Он ещё молод. Да и времени прошло совсем мало. Надо дать ему привыкнуть.

— Знаешь, в чём твоя ошибка, Матеуш? Ты слишком мягок. А мягкость означает слабость.

Конюх промолчал. Рютигер посмотрел на Ветерка и нахмурился.

— Ну что, пустынная девушка, это твой шанс доказать свою преданность.

Анара, стоявшая за его спиной, подошла к загону.

— Ваше Светлейшество, конь не подчинится, если я буду давать команды на местном языке. Он к нему не привык.

Матеуш отметил про себя, как она вежлива и как старается спрятать отголоски гортанного наречия, несвойственного вислянам. Рютигер тем временем явно раздумывал над её словами.

— Что ж, Анара, — князь выговорил имя девушки так медленно, что только глупец не уловил бы в этом угрозу, — будь по-твоему. Можешь говорить с конём на понятном ему языке.

Народ, которого с приходом князя собралось ещё больше, зашептался. Матеуш скрестил руки на груди. Рютигер никому не позволял говорить на ином языке. Едва он занял трон, с его родины прибыли учителя в застёгнутых под самое горло камзолах. Местных заставляли каждый день посещать занятия, однако пдать никто не сократил, и работать приходилось без отдыха. Тех, кто жаловался и бунтовал, секли на площади. Тем, кто осмеливался перечить воле князя и продолжал говорить на местном наречье, отрубали языки. Некоторые бежали на границу княжества, но власть Рютигера быстро распространилась и там. Матеуш потёр глаза, отгоняя воспоминания о смутном времени. Сейчас опасностей было не меньше, но люди научились быть осторожнее: постепенно перешли на чуждый им язык, притворились, что забыли о старых богах, перестали доверять секреты соседям и не подпускали к себе чужаков. А сами чужаки появлялись здесь всё чаще, думая, что на этих землях воцарился мир.

«Я же велел ей быть осторожнее», — подумал Матеуш, глядя на Анару, которая уже стояла в загоне и гладила Ветерка по шее.

Конь задышал ровно — она шептала ему слова, понятные только им двоим. Когда Анара просунула ногу в стремя, схватилась за седло и, подтянувшись, села на коня, Матеуш услышал, как Рютигер закрипел зубами. Толпа притихла: люди не понимали, можно ли им радоваться при князе и как относиться к смуглокожей целительнице, оседлавшей буйное животное с такой лёгкостью. Анара крикнула, и Ветерок побежал по кругу, гордо задрал голову. Матеуш не смог сдержать улыбку. Он осторожно посмотрел на Рютигера: на шее у князя пульсировала жила. Раскат грома раздался совсем рядом. Несколько человек ахнули, а Ветерок, встав на дыбы, громко заржал. Анара вцепилась в поводья. Матеуш заметил, как плотно её ноги обхватили бока Ветерка. Она выкрикнула несколько слов, и скакун резко опустил. Фыркнув несколько раз, он тряхнул головой и замер посреди загона. Тут уж народ не выдержал: послышались подбадривающие возгласы, на лицах людей проступили улыбки, обнажившие желтоватые зубы.

— Довольно! — проревел Рютигер.

Матеуш зашёл в загон и взял успокоившегося Ветерка под уздцы. Анара слезла с коня и предстала перед князем.

— Ваше Светлейшество, конь будет покорным, если сможет доверять наезднику.

Её слова не прозвучали дерзко, во взгляде не чувствовался вызов, но Матеуш всё понял, когда Рютигер довольно прищурился. Князь посмотрел на конюха и крикнул ему:

— Привязать коня здесь. Не кормить и не поить два дня.

Анара уже открыла рот, чтобы поспорить, но не успела.

— А девчонку высечь на площади за иномыслие. Десять ударов плетью хватит.

Гром разорвал повисшую тишину. Первые капли дождя упали Матеушу на лицо. Он отвернулся от вырывающейся из рук стражников Анары и осторожно погладил Ветерка.

— Прости, — тихо сказал Матеуш и расстегнул ремешки седла.

Площадь превратилась в мокрое месиво. Анару за руки привязали к деревянному столбу — она вцепилась в него и прижалась лбом к влажному дереву. Матеуш прошёл по полукруглой кромке площади и встал напротив Анары — так, подними она глаза, смогла бы увидеть того, кто сочувствовал ей по-настоящему. Матеуш заметил князя на ступенях замка. Дождь,

казалось, совсем не тревожил его. Остальные собрались чуть поодаль, не желая промокнуть. Матеуш наблюдал за воеводой, который притащил с собой совсем юную девушку. На щеке у неё виднелся лиловый синяк размером с ладонь.

— Отец? Что здесь происходит?

Матеуш повернулся к Стефану.

— Я думал, ты уже дома.

— Нужно было укрыть лодки.

Стефан взглянул на Анару, которую раздели до хлопковой рубашки, доходившей до пят.

— За что её наказывают?

— Иноязычие, — тихо ответил Матеуш, не сводя глаз со стражника, разматывающего плетъ.

— Я видел её, у реки. Она какая-то странная. Говорила сама с собой и на воду смотрела так, будто не видела её никогда.

— Это целительница, про которую я тебе говорил.

— Пустынная девушка? — удивлённо спросил Стефан. — Я думал, она старше.

— Некоторым приходится рано взрослеть, ты ведь и сам знаешь, — ответил Матеуш, но не решился посмотреть на сына.

— Начинайте! — пронеслось по площади.

Плетъ взмыла в воздух и со свистом опустилась на спину Анары. Стон вырвался у неё спустя мгновение: тело не сразу осознало боль. Стражник вновь замахнулся и ударил. Матеуш смотрел, как ногти Анары впиваются в столб. От её крика звенело в голове. После третьего раза Анара повисла на столбе. Дождевые капли на её лице перемешались со слезами.

— Стой! — велел князь.

Матеуш услышал, как рядом облегчённо вздохнул Стефан.

— Это ещё не конец.

— Хорошо хоть, что ей язык не отрезали. Другим за тот же проступок доставалось куда сильнее.

— Он наказывает её не за иноязычие.

— Но ты сказал...

— Я знаю, что сказал, — отрезал Матеуш.

— Сильнее!

— Он же покалечит её! — возмутился Стефан.

Матеуш не видел спины девушки, но хорошо представлял, как она выглядит.

— Князь остановится, когда она подчинится.

— Но она и так в его власти, — возразил Стефан.

— Он хочет подчинить себе её разум. Так же, как сделал это со всеми нами.

— Мой разум он не подчинил.

«Это меня и страшит», — подумал Матеуш и похлопал сына по плечу.

Анару отвязали, и она повалилась на землю, как тряпичная кукла. Князь удалился вместе со стражей. Люди постепенно разошлись: близилась ночь, и всем хотелось поскорее оказаться в сухой постели. Матеуш заметил, как новая рабыня воеводы дёрнулась в сторону Анары, но хозяин не дал ей и шагу сделать. Когда площадь опустела, Матеуш вышел из укрытия и быстрым шагом направился к Анаре.

— Помоги мне, — бросил он сыну.

Но Стефан уже и так шёл рядом с ним. Матеуш поднял голову Анары. Глаза её застилала пелена слёз.

— Ничего, милая. Раны заживут, а ты станешь сильнее. Давай-ка отведём тебя в замок.

Помогая девушке встать, он всё же взглянул на её спину и понял, что этой ночью у него снова не получится убежать от кошмаров.

Матеуш плохо разбирался в травах, но про действие подорожника знали даже дети. Он промыл листья, которые нашёл в покоех Анары, и бережно выложил на её оголённую спину.

— Надо перевязать, — тихо сказал Стефан.

Матеуш кивнул и огляделся в поисках ткани, которую можно было бы использовать.

— На полке у окна, — проговорила Анара впервые за всё время.

Матеуш велел сыну взять ткань и отрезать кусок, а сам присел возле лежащей целительницы и мягко произнёс:

— Видишь, сначала ты мне помогла, теперь я тебе.

— Вы избавились от кошмаров? — хрипло спросила она.

Стефан замер рядом, и Матеуш предупредительно покосился на него, мол, не сейчас.

— Вряд ли это возможно. Но засыпать стало куда легче.

Анара прикрыла глаза. Матеуш осторожно приподнял её ослабленное тело, а Стефан несколько раз обернул ткань вокруг туловища.

— Так-то лучше. Я приду проведать тебя завтра утром.

Анара не пошевелилась.

На улице по-прежнему лило, так что им пришлось выбрать путь, который хоть и был длиннее, но мог немного укрыть их от дождя.

— Думаешь, она переживёт ночь?

— Если Бог будет милостив.

Стефан скривился, но Матеуш сделал вид, что не заметил. Со временем ему надоело объяснять сыну, почему он так легко принял и новый язык, и новую веру. Кровь Стефана бурлила молодостью и делала его слишком неосторожным, заставляла бросать вызов новому порядку, хотя старого он почти не застал. Матеуш давно понял, что должен выжить ради сына, а сделать это он мог, только приспособившись к новым законам. Он украдкой взглянул на Стефана, который жил своё двадцатое лето и уже успел перегнать отца ростом. В сумраке медь его волос совсем потемнела. Каждый день Матеуш смотрел на сына и жалел о том, что рассказал ему два года назад. Они могли бы остаться в том деревянном доме на опушке леса, ловить рыбу в извивающейся реке и работать на поле. Но Матеуш не мог больше носить в себе эту тайну.

— Она могла бы помочь нам, — тихо сказал Стефан.

— Поживём — увидим.

Глава 5

Рютигер

Пустой кубок со звоном ударился о пол тронного зала.

— Повтори!

Гонец, припавший к каменным плитам, осторожно поднял голову и произнёс дрожащим голосом:

— Северный костёл сгорел, Ваше Светлейшество.

Рютигер сжал руки в кулаки и раздражённо поглядел на кубок, которым чуть не попал в гонца. Затем резко вскинул голову на воеводу.

— Я велел тебе удвоить охрану!

— Ваше Светлейшество, я исполнил приказ в тот же день! Направил туда лучших дружинников!..

Рютигер снова повернулся к гонцу:

— Рассказывай.

— В поселении у северного костёла посреди ночи началась драка — говорят, местные пьяни не поделили корову. Часть дружинников направили туда. Оставшихся четверых нашли уже после того, как пожар потушили. Их всех зарезали.

— Что предпринял воевода северного региона?

— Повесил двоих, которые затеяли драку. Их обвинили в сговоре с мятежниками. Семьи выдворили за пределы княжества.

Рютигер откинулся на спинку трона и прошептал:

— Идиот.

Рядом напряжённо засопел воевода.

«Эти олухи на местах ни на что не способны. Не отдашь приказ — они даже пальцем не шевельнут. Так и будут лакать мёд да лезть под юбки к своим девкам».

— Передашь воеводе, — медленно проговорил Рютигер, — что от дуба больше пользы, чем от него. Скажешь, что я велел подкупить несколько местных, особо жадных до денег, и разузнать побольше о мятежниках. Они должны где-то собираться, обсуждать свои планы. Пусть узнает всё, что сможет, и через две недели пришлёт мне отчёт. Если он провалится и в этот раз, может сразу утопиться. А если не получится — его верные дружинники сделают всё сами.

Гонец низко поклонился, развернулся и тут же удалился.

— Ваше Светлейшество, не беспокойтесь, — подал голос воевода, растянув рот в подхалимской улыбке. — Южный костёл уже почти восстановили. На границах всё спокойно.

После нескольких кубков вина раздражение Рютигера несколько утихло, а потому он не стал посылать обрюзгшего с годами воеводу на все четыре стороны.

— Твоя тупость временами пугает меня.

Воевода бестолково открыл рот, но промолчал.

— Если ты думаешь, что тишина на границах — это повод терять бдительность, то тебе явно не место на этой должности.

Рютигер почувствовал, что слишком устал, и махнул рукой. Команды воевода знал лучше, чем домашний пёс, поэтому уже через мгновение князь остался один. Рютигер сжал подлокотники трона до острой боли в запястьях и скривился. Приподнял руку и уставился на неё. Ущипнул морщинистую кожу, потянул в сторону и резко отпустил. Ему тут же захотелось, чтобы рядом оказалась Хелена. Рядом с ней, хрупкой и измождённой, Рютигер чувствовал себя

моложе и сильнее. Теперь мало кто мог поверить, что Хелена когда-то была красавицей, но он помнил восторг, который испытал в тот день, когда встретил её.

В первую годовщину захвата вислянского княжества Рютигер созвал купцов, которые молили его вновь открыть торговые пути, ранее пролегающие через Краков. Ему хотелось, чтобы слухи о его войске разнеслись по всему миру и дошли до отца, вечно сомневающегося в младшем сыне. Купцы были известными сплетниками: они продавали и покупали не только кожу, фрукты и рабов, но и нечто более ценное — слухи. Поэтому Рютигер решил показать им лично, что самое крупное поселение вислян оказалось в его власти.

Столы накрыли прямо на площади: тронный зал не вместил бы и половины желающих принести дары новоиспечённому князю и договориться о лучших условиях торговли. Поверх узорчатых скатертей разместились блюда с гусями в яблоках, молочными поросятами и бычьими хвостами. Из кладовых замка достали бочки с квашеной капустой. Хмельной мёд лился по бородам и расшитым камзолам. Крутившиеся вокруг купцов служанки в традиционных вислянских сарафанах и фартуках игриво перебирали пальцами косы. Рютигер сидел во главе центрального стола и ловил на себе взгляды: оценивающие, любопытные, подозрительные, изучающие. В тот же день, через год после своего тридцатилетия, он понял главное — доверять на этой земле он сможет себе одному. Это осознание неподъёмной ношей опустилось на его плечи. И едва Рютигер представил, как одиноки будут его годы в окружении этого чужого народа, рядом с ним раздалось:

— Ваше Светлейшество, позвольте преподнести вам дар?

Князь лениво повернул голову и увидел её: белоснежная кожа, как у самых изысканных женщин при дворе его отца, лёгкий румянец на щеках, пшеничные кудри, рассыпанные по плечам, но главное — глаза. За свою молодость он повидал разные: и игриво-зелёные, и вызывающе-голубые, и даже бездонно-чёрные, но в её серых он не увидел ни страха, ни попытки проникнуть в его мысли. Рютигер был для склонившейся перед ним девушки одним из мужчин, не более.

Он поднялся и взял у неё небольшой сундучок. Открыв его, замер. Он ожидал увидеть всё что угодно: шелка, украшения, кубки, коробочки с восточными специями, но вместо этого несколько мгновений рассматривал резные фигурки лошадок, птичек и медвежат. Наконец он нашёл в себе силы посмотреть на девушку и хрипло сказать:

— Боюсь, я уже вырос из таких игрушек.

Она тепло улыбнулась:

— Тогда подарите их своему наследнику.

Впоследствии Рютигер часто спрашивал жену, был ли это коварный план со стороны её отца, зажиточного баварского купца, и специально ли она делала вид, что роль княгини ей не интересна. Хелена не сердилась — лишь слегка наклоняла голову и отвечала:

— Ты привык, что у всех есть какой-то тайный замысел, но Бог свидетель, я хотела порадовать человека, который находился далеко от дома.

Конечно, он не верил ей. Но это не делало её менее желанной в его глазах.

— Ваше Светлейшество?

Рютигер нехотя посмотрел на стражника, заглядывающего из-за двери.

— Что такое?

— Княгиня. Ей плохо. Она зовёт целительницу.

Рютигер выругался про себя и быстрым шагом пересёк тронный зал. Дождь по-прежнему барабанил в окна замка, подгоняя князя. Он остановился возле покоев целительницы, быстро переговорил со стражниками и заглянул в покои. Анара спала, лёжа на боку. На лице её застыла боль, от щёк исходил жар. Рютигер посмотрел на неаккуратно наложенные повязки и подумал:

«Будь ты покладистее, не пришлось бы портить такое тело».

Князь велел стражникам докладывать обо всех, кто придёт проведать Анару, и направился в другое крыло замка. Он чувствовал, как ноги нарочно замедляются. Рютигер мог бы притвориться и сказать себе, что это старость постепенно притягивает его в свои объятия, но врать себе самому — удел безнадежных неудачников.

Резная дверь была плотно закрыта, но доносящиеся из-за неё болезненные стоны всё равно заполняли коридор.

«Зачем я туда иду? От моего вида ей становится только хуже».

Он вздохнул и вошёл. Хелена лежала на смятых простынях. Одна из служанок вытирала пот с её лба и нащёптывала молитву. Князь встал у стены.

— Целительница... — прошептала Хелена.

— Она не придёт, — сухо ответил Рютигер, стараясь не смотреть на жену.

Стон, вырвавшийся из груди княгини, смешался с рыком обозлённого животного. Служанки помогли Хелене приподняться и напоили маковым молоком. Она положила руки на живот и прикрыла глаза.

— Выйдите, — тихо проговорила Хелена.

Рютигер еле поборол порыв остановить служанок. Князь не мог утешить жену, придать ей сил, обнадежить. Он ничего не мог.

— Я снова слышала этот голос. Служанки сказали, что я... — Хелена замолкла на мгновение, будто копила в себе силы, — что я велела им утопить себя.

Он ничего не ответил, но, оторвавшись от стены с таким трудом, будто её смазали смолой, подошёл к постели жены и сел.

— Мы столько раз это обсуждали. Из-за более тебе мерещатся разные вещи. Один из целителей согласился со мной, что это не более чем горячка.

Хелена смотрела сквозь мужа.

— Он согласился с тобой, чтобы сохранить голову на плечах. Но ему это не помогло, ведь так?

Рютигер уставился в окно.

— Что с Анарой?

При имени целительницы он скривился.

— Она пока не сможет прийти. У тебя есть всё, что нужно?

— Всё, что снимает боль, но не лечит меня.

Она резко втянула носом воздух и согнулась так, словно её ударили в живот. По щекам потекли слёзы.

— Хелена...

Рютигер протянул к ней руку. Кожа княгини была ледяной.

— Что мне сделать?

Она вцепилась в его запястье так, будто хотела разломить кости пополам. Рютигер попытался вырваться, и тут изо рта Хелены зазвучал низкий, незнакомый голос:

— Убирайся!

Пытаясь перелить вино во флягу, он расплескал почти половину. Рютигер размахнулся и бросил пустой кувшин в стену. Глиняные черепки рассыпались по полу. Князь вышел из покоев. Пытаясь не выдать дрожь в голосе, велел стражникам оставаться на местах, взял факел и двинулся в полумрак замка.

Лестница успела порости мхом. Рютигер почувствовал затхлую сырость ещё наверху, но поборол отвращение и начал медленно спускаться по узкому проходу. Внизу его ждал тихий плеск воды. Застыв на последней ступеньке, князь поднял факел и оглядел черноту грота. По валунам и изогнутым каменным сводам ползла плесень. Порой Рютигеру казалось, что она

шевелится, медленно крадётся, продвигаясь всё ближе к замку. Сначала сам грот, затем лестница, подвалы, покои, — всё окажется покрыто чёрной, зловонной пеленой.

Князь воткнул факел между камнями и сел на гальку так, что скромные волны Вислы почти касались его сапог. Здесь река не неслась бурным потоком, а просачивалась сквозь глыбы и наполняла углубление похожее на чашу для купаний. Рютигер не раз пытался разглядеть его дно, но так и не смог.

Сделав несколько глотков вина, он вытер ладонью губы и подумал:

«Видел бы меня отец, приказал бы надеть колпак и стать шутом при дворе».

Каждое утро он просыпался с ненавистью к собственному телу. Оно слабело, горбилось, чаще болело и ныло.

«Если бы Хелену не скосила болезнь, я бы выглядел немощным стариком рядом с ней».

При мысли о жене у него вновь дрогнули руки. Он взглянул на запястье — красные следы от её хватки всё ещё оставались на коже.

— Проклятая нечисть, — прошептал он.

Пресвитер главного костёла убедил его, что Хелена нагрешила и душу её заполонили демоны. Рютигер никогда не сомневался в существовании Бога, носил крест, молился и слушал проповеди — но также знал наверняка, что его жена не совершала никакого греха. Это сделал он. В день, когда они заключили союз перед Господом, Рютигер испытал облегчение. Хелена, светлая и невинная, должна была рассеять тот мрак, в котором он жил с момента, как занял трон. Но тьма, поглотившая Рютигера, забралась и в неё. Только Хелена оказалась слабее мужа и не смогла долго сопротивляться.

Он схватил плоский камень и изо всех сил кинул его в реку. По воде разошлись круги. Рютигер смотрел на них, а затем тихо проговорил:

— Видит Бог, у тебя был выбор. Так почему я должен терпеть это мучение?

Голос князя стих, и волна окатила его ноги. Рютигер недовольно поморщился и поднялся. Плеск воды, прибывавшей из расщелины, стал громче. Из воздуха разом исчезла вся влага. Рютигер взял факел и отошёл подальше от берега.

«Ты меня не напугаешь», — подумал он, но не решился произнести это вслух.

Висла забурилась. Острые брызги теперь летели Рютигеру в лицо. Плесень на стенах зашевелилась.

— Хватит! — крикнул он. — Изыди, нечисть!

Его вновь окатило брызгами, и князь уже потянулся вытереть лицо, как замер — вместо воды на коже обнаружились алые капли. Он бросился вытирать их, и все рукава его синего кафтана тут же покрылись багровыми разводами.

— Ты вынудила меня! Одно твоё слово — и всё было бы по-другому!

— Убирайся, — прозвучал шёпот в его голове.

Князь прислонился к стене и тяжело задышал. Свободной рукой он схватился за крест и зашевелил губами в надежде, что Господь защитит его от призраков прошлого. Факел погас, и Рютигер оказался в густой и шумной темноте. На ощупь он бросился к лестнице, повалился на ступени и ползком двинулся вверх. Пальцы его утопали в склизком мху, а спину продолжали хлестать кровавые волны. Выбравшись на каменный пол коридора, Рютигер развалился прямо там, раскинув руки и пытаясь отдышаться. На шум прибежали стражники, но князю было плевать, что они видят его таким. Он подумал:

«Не будет мне покоя до самой смерти».

Глава 6

Анара

Совсем рядом слышались шаги и мужские голоса. Анара попыталась очнуться ото сна, но тот утягивал её всё глубже. Она чувствовала песок на губах и горячий ветер, обжигающий тело. Сильнее всего пекло спину, словно на неё вылили котёл с кипятком. Анара бежала по дюнам, которые рассыпались под ногами, и утопала в золоте пустыни. Разум заставил её думать, что она дома, и Анаре не хотелось верить в обратное.

— Выглядит куда лучше, чем я думал, — раздалось над головой.

Она попыталась повернуться на спину, и тело мгновенно пронзила боль. Чьи-то руки вернули её на бок. Анара застонала и распахнула глаза: над ней застыл Матеуш. Он помог ей сесть.

— Нужно сменить тебе повязки. У тебя есть что-нибудь для заживления?

Анара медленно осмотрела комнату, пытаясь вспомнить, что произошло и почему лечить нужно её, а не кого-то, и заметила прислонившегося к стене юношу. Она хмуро уставилась на него.

— Это мой сын, Стефан, — мягко проговорил Матеуш. — Не бойся. Он, как и я, хочет помочь.

Стефан медленно кивнул. Её собственное недоверие отразилось на его лице, как в зеркале.

— Анара, — позвал Матеуш, — травы... Скажи мне, что сделать.

Она никогда в жизни не соображала так медленно. Слова ускользали от неё, знания, переданные матерью, песчинками утекали сквозь пальцы. Она потратила остатки сил на объяснения и повернулась к Матеушу спиной. Когда её кожи коснулись пальцы, она вздрогнула и, глянув через плечо, увидела медь волос. Анара сильнее прижала к груди одеяло. Вопреки её ожиданиям, Стефан был аккуратен. Он терпеливо снял повязки, которые присохли к ранам, а когда Анара зашипела от боли, тихо пробормотал:

— Потерпи, ещё немного осталось.

Воспоминания о прошлом вечере постепенно возвращались к ней, но она не разрешала себе плакать при чужих. Жалость делала её слабой, неспособной преодолеть испытания, посланные Великими Отцом и Матерью.

Когда с перевязкой было покончено, Анара бросила взгляд через плечо на Матеуша:

— Спасибо. Вы не должны были...

Но конюх остановил её, подняв руку:

— Думаю, ты сделала бы для меня то же самое.

Она слабо улыбнулась в ответ.

— Так-то лучше. Что ж, мы со Стефаном пойдём, а ты пока... — Оон не успел договорить.

В покои вошёл стражник. Хмуро глянул на Матеуша и Стефана, а затем сказал Анаре:

— Тебя зовёт князь.

Стены и потолок задрожали. Её взгляд заметался и остановился на Стефане, чьи руки сжались в кулаки.

— Одевайся, — велел стражник и вышел.

Рютигер ждал её в тронном зале. Из распахнутого окна на князя падал прямоугольник света. Рютигер тёмным пятном восседал на троне. Даже пелена перед глазами не помешала

Анаре разглядеть, как он измождён. Она с ядовитой радостью отметила про себя: ему плохо. Небрежно расстёгнутый кафтан, растрёпанные волосы, осунувшееся лицо — всё это заставило её сменить жалость к себе на ненависть к нему. Он обманул её, изувечил, унизил — и теперь снова позвал к себе. Зачем? Чтобы поиздеваться?

Рютигер небрежно махнул стражнику, и тот послушно удалился.

— Как прошла твоя ночь?

Анара не ответила. Все силы она тратила на то, чтобы стоять как можно ровнее.

— Я слышал, у тебя появились друзья в замке, — продолжил князь, проведя рукой по волосам. — Матеуш всегда был равнодушен к лошадям, но такое я вижу впервые.

Анара медленно убрала руки за спину, чтобы он не заметил дрожь, пробравшую всё её тело.

— Молчишь? Я ведь не отрезал тебе язык — а мог бы. Ты должна ползать на коленях и благодарить за моё милосердие. Теперь воевода и дружинники подумают, что я к тебе привязался. Ну и пусть, зато тебя никто не тронет.

Анара не выдержала и посмотрела на него.

— Она живая! — Рютигер рассмеялся. — Ты так и не поняла, что я сделал тебе одолжение? На тебе клеймо самого князя, теперь ни один стражник не рискнёт подумать о том, чтобы залезть к тебе под юбку. Ну что, так и не поблагодаришь меня?

Она пошатнулась и опустила на пол.

— Мы по-разному понимаем благие дела, Ваше Светлейшество, — произнесла она сквозь зубы.

— Кстати, об этом, — Рютигер сделал вид, что не обратил внимание на её слова. — У княгини опять был приступ. Твоё лечение не работает.

— Я видела её всего два раза! — Она не собиралась кричать, но гнев и обида вырвались из неё почти животным рыком.

Рютигер резко выпрямился.

— Как ты смеешь...

— Если бы мне дали провести с ней больше времени, а не заставляли объезжать лошадь и терпеть боль и мучения, я бы смогла заняться тем, что умею. А пока я переживаю о том, доживу ли до завтрашнего утра! — Анара дышала так тяжело, словно её погрузили под воду и не позволяли всплыть. — За мной повсюду ходят стражники, я даже в своих покоях не могу себя чувствовать безопасно! Как я могу думать о болезнях других, когда моё собственное тело... — Она осеклась, закрыла лицо руками и шёпотом закончила: — Лучше прикажите казнить меня.

Анара услышала, как князь поднялся и подошёл к ней. Она пригнулась в ожидании удара, но Рютигер продолжал нависать над ней. У неё не осталось сил плакать. Спину вновь жгло: повязки чуть сдвинулись, оголив раны.

— Стража!

Анара с вызовом взглянула на князя. Её предки не простили бы ей слабости на пороге в мир мёртвых. За спиной раздался шаг.

— Рабыни должны приготовить отвар от жара и принести в покои целительницы. А ещё чистую одежду. И пусть поменяют постель.

— Будет исполнено, Ваше Светлейшество.

Он зашёл за спину Анары, взял её за плечи и поднял на ноги.

— Идём. Поговорим в твоих покоях.

— Значит, ваши рабы всё же способны лечить друг друга при необходимости... — заметила Анара, стряхнув с себя руки Рютигера.

— Не ждать же годами, когда нам на голову свалится следующая бунтарка из пустыни.

«Он... шутит?» — Мысли и чувства Анары закрутились воронкой безумия.

Рютигер разрешил ей сесть на постель с чистыми простынями. От нового сарафана цвета дубовой коры пахло свежестью. Анара приставила подушку к стене и медленно прислонилась к ней. Боли всё же не удалось избежать, и она поморщилась. Князь всё это время стоял у окна. Он не вышел, когда она переодевалась, но и смотреть не стал.

— Что ты думаешь о состоянии княжны?

— Она не безумна, — ответила Анара.

Князь порывисто повернулся к ней.

— Я и не говорил, что она безумна.

— Княгиня считает, что вы так думаете.

Он нахмурился и опустился на пошатывающийся табурет.

— Когда это началось?

Лицо Рютигера стало ещё мрачнее.

— Больше десяти лет назад. Сразу после свадьбы. Хелена жаловалась на головные боли и слабость, её мучили кошмары... Поначалу я не придавал этому значения.

Анара приподняла бровь.

— И что же изменилось?

Рютигер посмотрел на неё строго, мол, не торопи меня, но всё же ответил:

— Мы... мы ждали первенца. Лекарь сказал, что состояние Хелены может навредить ребёнку. Его отвары, правда, помогали. А может, мне хотелось так думать. — Рютигер поставил локти на колени и уставился в пол. — В одну из ночей я проснулся от жуткого крика. Хелена лежала на полу и умоляла прекратить эту боль, а потом... — Он резко выпрямился и хрипло закончил: — Это было восемь лет назад. С тех пор крики я слышу в этом замке чаще, чем смех. В мою жену вселились демоны.

Анара фыркнула.

— Глупости.

Рютигер поднялся и в два счёта сократил расстояние до её кровати.

— Так сказал священнослужитель. Не хочешь ли ты поспорить с посланником воли Господа нашего?

Анара прикусила щёку.

— В мире много необъяснимых вещей, Ваше Светлейшество. Но демонов в княгине точно нет.

— Тогда что? Она может говорить не своим голосом, менять цвет глаз во время приступов. Как ты это объяснишь?

Анара опустила взгляд. Она заметила, как нарастает нетерпение князя, но ответов у неё не было.

— Если вы позволите провести мне с ней больше времени, — осторожно сказала она, — я могла бы попробовать разные виды лечения. Если что-то из этого сработает, я пойму, где искать причину.

Рютигер скрестил руки на груди.

— Это всё слова. Ты сможешь её вылечить или нет?

— Вы ищите простые ответы, но иногда их просто нет.

Князь наклонился к ней совсем близко и, взяв Анару за подбородок, заставил посмотреть на себя:

— Совсем забыл: у тебя осталось три дня на то, чтобы убедить меня в своих способностях. Пока у тебя слабо выходит.

Он убрал руку, и Анара вжалась в подушку.

— С этого момента стражники будут только охранять твои покои. Но я всё равно буду знать о каждом твоём шаге. Это ясно?

Анара медленно кивнула.

— Такой ты мне нравишься гораздо больше, — оскалившись, проговорил он.

Наконец оставшись одна, Анара принялась за дело. Пока жар отступил, у неё было время и силы отнести княгине новый запас трав. Рыжеватые солнышки сушёной календулы пахли сеном и отдавали древесной горчинкой. С каждым цветком, опускаемым в мешочек, Анара всё больше сомневалась, что это поможет княгине. То, что описал Рютигер, не походило на обычную болезнь — а их она повидала много. Лица лежащих на смертном одре, стоны раненых в бою и безжизненные глаза собственной матери часто преследовали Анару во снах. Но оказалось, что знать причину недуга и уметь его вылечить — совсем не одно и то же.

Некоторые из несчастных, что приходили к её матери, тоже жаловались на голоса, но чаще всего те были следствием горячки или безумия, наступавшего в пожилом возрасте. Анара узнала у служанок, что княгине нет и сорока — её время впасть в старческий маразм ещё не пришло. Если это и была горячка, то причины по-прежнему оставались загадкой. Больше всего Анару смущало следующее: приступы наступали хаотично, женские органы на них вряд ли влияли, как думал предыдущий лекарь, и Хелена рассказывала о голосе в голове слишком уж уверенно.

«Она так и не сказала, кто с ней говорит... — Анара погрузила руку в банку с цветами и замерла. Затуманенный болью разум на мгновение пробудился. — Что, если ответ, и правда, прост?»

Она схватила мешочек с травами и направилась к княгине так быстро, как позволяло тело.

В покоях не было ни Хелены, ни служанок. Из раскрытого настежь окна дуло тёплым ветром, на смятой постели блестело пятно солнечного света. Прикрыв за собой дверь, Анара впервые обратила внимание на фигурки птиц, что вырезали на деревянном полотне. Догадка, посетившая её ранее, тут же укоренилась.

«Знает ли князь?»

Остановив первую попавшуюся в коридоре рабыню, Анара узнала, что княгиня ушла прогуляться на реку. С непривычки она всё время оглядывалась, ожидая увидеть за спиной стражника, но находила лишь пустоту коридоров. Двор оказался куда оживлённее. Пользуясь хорошей погодой, слуги переместились на улицу и выполняли поручения, дыша не сыростью, а тёплым воздухом. Откуда-то издали донеслось лошадиное ржание, и Анара подумала:

«Надо потом узнать, как там Ветерок».

Действие целебного отвара заканчивалось, и слабость вновь овладевала её телом. Надо было торопиться.

Хелена сидела одна в тени дерева у реки. Анара сначала удивилась, что служанки оставили её, но тут же заметила их у самой кромки воды. Княгиня протянула к ней руки, как дорогая подруга. Анара поклонилась и с позволения Хелены осторожно опустилась рядом.

— Слуги рассказали мне, почему ты не смогла прийти. Мне так жаль. Мой муж... — Она не договорила.

Благодарно склонив голову, Анара произнесла:

— Княгиня, мне очень нужно узнать о том голосе, что вы слышите во время приступов. Вы знаете, чей он?

Хелена тут же помрачнела и ссутулилась.

— Это только шёпот... Я долго пыталась понять, кто это: задавала вопросы, умоляла перестать меня мучить. Всё впустую.

Анара огляделась по сторонам и, убедившись, что их никто не подслушивает, тихо произнесла:

— Думаю, я знаю, кто не даёт вам покоя.

Хелена тут же вцепилась ей в руку. На лице княгини мелькнул страх загнанного в угол зверя.

— Кто?

— Ваш первенец, — ещё тише ответила Анара.

Княгиня уставилась на неё не моргая.

— Я расскажу, что знаю, если вы пообещаете, что меня не накажут за богохульство.

— Я даю тебе слово, — серьёзно ответила Хелена.

По спине растёкся жар, и Анара быстро заговорила:

— Мой народ верит, что у каждого из нас в жизни есть всего одна цель. У каждого своя. Она даруется нам Великим Отцом Таррионом и Великой Матерью Эларией, когда мы появляемся в утробе женщины, которой предстоит выносить нас и привести на этот свет. Всем нам отведено своё время. Кто-то проживёт почти сто лет, а кому-то не вынести и пары дней... — Анара взглянула на Хелену: ресницы той подрагивали, но в остальном она не шевелилась. — Если цель не достигнута, душа не может упокоиться в мире мёртвых и остаётся в домах, лесах, любом месте, с которым была связана её жизнь или смерть.

— Я не совсем понимаю, — сухо сказала княгиня. — Ты хочешь сказать, что в замке поселилось... нечто?

Анара покачала головой.

— Не в замке, а внутри вас.

Хелена вытаращилась от неё и отодвинулась.

— Ты сговоришься с моим мужем!.. — голос её задрожал. — Он тоже считает, что внутри меня демоны, и...

— Нет, я не об этом, — раздражённо перебила её Анара. — Внутри вас нет никаких злых духов. Там призрак неупокоенной души. Вашего первенца. Когда он прорывается наружу, вы испытываете боль. Я даже не представляю, какие мучения вы прошли за все эти годы. Во время каждого приступа вы теряете контроль над телом и над разумом.

— Но почему... почему я прошу убить себя, когда это происходит? Служанки столько раз говорил мне, что я приказываю им утопить себя...

Анара нахмурилась. Про такое она никогда не слышала.

— У меня нет ответа. Но я знаю, кто нам поможет. Я прошу вас ничего не говорить князю. Скажите, что мы пробуем разные травы. Больше ему пока не надо знать.

— И кого ты собираешься просить о помощи?

Анара поднялась, отряхнула подол сарафана и, сцепив руки в замок, ответила:

— Мою мать.

— Гранаты? — возмущённо переспросил стражник и посмотрел на неё, как на умалишённую. — Здесь тебе не рынок.

— Князь велел использовать все возможные способы помочь княгине, этим я и занимаюсь, — устало ответила Анара. Оковы боли вновь сжали её тело, поэтому она стояла, прислонившись к стене.

Стражник нахмурился.

— Я спрошу у него.

Анара кивнула и вернулась в свои покои. Ей нужно было начать подготовку к ритуалу, но, увидев постель, она смогла лишь дойти до неё и лечь. Сон быстро поглотил её.

Перед ней раскинулось песчаное море. Палящее солнце слепило. Анара облизала губы, покрытые сухой коркой. В этот раз она поняла, что спит. Значит, вырваться из этого видения будет не так сложно. Она шагнула вперёд, и колючий песок заполнил её сандалии. Наклонившись, Анара набрала горсть золотистой крошки и подбросила её в воздух. Мерцающие песчинки подхватил ветер и понёс в глубь пустыни.

Позади раздался шум, и Анара резко обернулась. На неё неслась водная масса. Казалось, что невидимая дамба, которая веками копила влагу, внезапно обрушилась. Анара смотрела на белые завитки волн и не могла пошевелиться. Ноги её всё сильнее утопали в песке.

— Это сон, — уверенно проговорила она, стараясь убедить то ли себя, то ли силу, управляющую водой.

Едва Анара произнесла эти слова, как волны замедлились и стали менять цвет. Лазурь медленно перетекала в виноградный оттенок, а тот в свою очередь стал светло-бордовым, почти рубиновым. Когда вода наконец достигла её ног, деваться было уже некуда. Анара стояла по пояс в кровавом море, хватала ртом горячий воздух и шептала самой себе:

— Это сон... Это сон...

Анара открыла глаза. На столе горела лучина, а у тёмного окна сидел силуэт. Разум тут же заметался, пытаясь разглядеть лицо непрощенного гостя. Он как будто почувствовал, что на него смотрят, и повернул голову.

— Я уж думал, мне тут всю ночь придётся торчать.

— Что ты здесь делаешь? Почему стражники тебя не выгнали?

Стефан хмыкнул и поднялся.

— У одного из них был должок передо мной. К тому же я наплёл им страшную историю о том, что твои раны могут загноиться и замок снова останется без целительницы.

Анара, не сводя глаз, села на постели. Она не спешила доверять его отцу, что уж говорить о самом Стефане.

— Где Матеуш?

— Его завалило делами в конюшне, поэтому он послал меня поменять тебе повязки.

— Я могу сама, — хмуро проговорила Анара.

— Не можешь. Если только, пока ты спала, у тебя не отросла ещё одна рука на спине.

Анара скрипнула зубами, и Стефан усмехнулся.

— Отец тут передал тебе кое-что. — Он достал из кармана небольшую деревянную коробочку. — Это мазь. Говорит, купил на рынке. Но сильно не радуйся — запах у неё такой, что хоть вешайся.

— Моих трав вполне достаточно.

Стефан поставил коробочку на стол и скрестил руки на груди.

— Я сказал отцу, что не надо тратить на тебя зерно, но он не послушал.

Внутренние метания Анары усилились. Принять помощь — всё равно что признать в собственной слабости. Хотя мать и говорила ей, что люди должны держаться вместе, чтобы выжить, Анара не могла избавиться от одного вопроса: что, если ты не доверяешь этим людям? Что, если они помогают тебе ради собственной выгоды?

И раз уж над головой не стояли стражники, Анара решила прямо спросить Стефана:

— Зачем вы с отцом это делаете?

Он удивлённо посмотрел на неё, но затем, похоже, понял, о чём речь, и ответил чуть тише:

— В замке полно больных. Люди умирают даже из-за того, что вовремя не вылечили обычную простуду. Боги решили послать нам тебя. Значит, наша задача — продлить твоё пребывание здесь.

Анара задумалась над его словами. Она встала, подошла к столу и взяла коробочку с мазью. Открыв её, осторожно вдохнула и почувствовала резкий запах. Горькая полынь. Увидев, как сморщился её нос, Стефан усмехнулся, мол, я же говорил. Воспользовавшись моментом, Анара спросила:

— Боги?

— Что?

— Ты сказал «боги».

Он не шевельнулся, но Анара ощутила его страх.

— Что, пожалуешься на меня стражникам?

— Нет, просто пытаюсь понять, с кем имею дело.

— Слушай, если тебе не нужна помощь, разбирайся сама. Я пошёл. — Он нервно провёл рукой по волосам и двинулся к двери.

— Подожди.

Он остановился и взглянул на неё исподлобья.

— Если сегодня мои боги послали мне тебя, значит, мне придётся с этим смириться.

Стефан кисло улыбнулся, и Анара протянула ему мазь. В комнате вдруг стало легче дышать.

— Сейчас достану чистую ткань для перевязки.

Оказалось, что запах полыни можно пережить, когда у тебя есть возможность убрать её подальше. А когда ею вымазана вся спина, не остаётся ничего другого, кроме как вытирать слезящиеся глаза и терпеть жгучее пощипывание.

— Долго ещё? — сказала она чуть грубее, чем хотела.

Пальцы Стефана вновь коснулись её кожи.

— Почти готово.

Когда он закончил, вымыл руки и перевязал раны, Анара вздохнула с облегчением.

— Как там Ветерок?

— Князь оставил его в том загоне без пищи и воды на несколько дней, но отцу удалось тайком пронести туда немного сена и морковок. С водой тяжелее. Лужи после дождя уже высохли, а нести мимо стражников лоханку — это самоубийство.

— Эти лошади могут обходиться без воды дольше, чем другие породы.

— Отец тоже так сказал. Но лучше бы Ветерку подчиниться, а не то у князя разговор с ним будет короткий.

Анара разобралась с завязками на сарафане и тихо сказала:

— Он убьёт его.

— Хорошо, если так.

Внутри неё начинала разгораться злость.

— Совсем забыл: к отцу в конюшню приходила какая-то девушка. Спрашивала про тебя, сказала, что вас вместе сюда привезли. По словам отца, выглядела она не очень.

Перед ней тут же возникло заплаканное лицо Святославы.

— Как мне её найти? Её забрал воевода.

Стефан закончил прибирать стол и покачал головой:

— Тогда надежды у неё мало.

Анара поднялась.

— Я должна ей помочь. Одним богам известно, как ей там теперь живётся.

Стефан ничего не ответил и уставился в окно. Анара подошла к нему поближе, оглянулась на дверь и тихо спросила:

— Отсюда можно как-нибудь сбежать?

— Слишком опасно. Стража повсюду, — почти шёпотом отозвался он. — Но я попробую поговорить с отцом.

— Спасибо, — выдохнула Анара.

Стефан посмотрел на неё.

— Не радуйся раньше времени. В этом замке никогда не знаешь, доживёшь ли до завтра.

Глава 7

Стефан

Закрытые ставни значили, что отец уже лёг спать. Стефан обернулся к замку, стоящему на холме, вновь взглянул на деревянный дом и вздохнул. Ему давно следовало укрепить крышу из деревянной коры и заняться покосившимся сараем — но он по-прежнему не мог называть это место «домом», а потому не спешил улучшать его. Стефан замечал, что и для отца это бедно обставленное жилище — не больше, чем временное прибежище, где они выжидают время перед следующим шагом. Только в глубине души они хотели двигаться в разных направлениях. Стефан — в каменные коридоры, тронный зал и покои с мягкой постелью. А его отец — подальше от этого места, в тихий уголок у реки, где риск потерять голову значительно меньше. Стефан знал это, но уже не мог отступить.

Он медленно открыл дверь и на цыпочках вошёл в дом. В глубине тут же раздался шорох.

— Спи, это я, — шёпотом сказал Стефан, но тут из темноты послышался удар по кресалу.

Отец стукнул кресалом, и свет от лучины очертил сразу несколько пар глаз. Все мужчины почтительно склонили головы. Стефан нахмурился.

— Думаю, на сегодня мы закончили, — спокойно сказал отец, делая вид, что не замечает недовольство на лице сына.

Первые двое поднялись со скамей, подошли к двери и прислушались. Один из них осторожно выглянул наружу и махнул рукой второму. Стефан насчитал семерых. Больше, чем обычно, и куда более рискованно.

«Я же просил его...»

Постепенно все гости покинули дом, оставив Стефана наедине с отцом.

— Как там наша подопечная?

— Сначала сопротивлялась, но потом сдалась, — подавив раздражение, ответил Стефан.

— Хорошо. Не переусердствуй.

— Ей кое-что нужно.

Отец слегка наклонил голову, мол, я слушаю. Стефан сказал ему про коня и новую рабыню воеводы.

— Слишком опасно. Мы и так рискуем каждый день.

Стефан снял обувь и подошёл к столу, на котором лежали остатки позавчерашнего хлеба. Откусив жёсткую корку, он налил себе воды, сделал несколько глотков и сказал:

— Как ты не понимаешь? Если мы это сделаем, она будет у нас в долгу.

— Достаточно того, что мы помогли ей с перевязками.

— Нет, не достаточно! — Стефан почувствовал, как в груди разгорается злость.

Отец внимательно посмотрел на него.

— Тебе нужно отдохнуть.

Стефан ничего не ответил — лишь продолжил жевать чёрствый хлеб.

— Я обдумаю её просьбу, но ничего не обещаю.

Стефан дождался, пока отец заснёт, погасил огонь и улёгся на тюфяки, набитые соломой. Повернувшись на бок, положил руку под голову. Горький запах полыни ударил в нос. В голове тут же возникли волны чёрных волос и медово-бронзовая кожа.

Стефан следил за князем из укрытия. Тот стоял, облокотившись на загон, и наблюдал за тем, как дружинники пытались сладить с Ветерком. К тому моменту конь уже несколько дней провёл без пищи и воды — так думал князь. Ему было невдомёк, что рано утром отец

смог напоить Ветерка из фляги. Не то что бы молодому коню этого хватило, но позволило отпугивать людей ещё какое-то время. В этот раз он держал копыта при себе — в ход пошли зубы. Стефан точно знал, что отец посмеивается про себя над уползающими из загона дружинниками. Теперь оставалось молиться, чтобы князь не потерял терпение и не заколол Ветерка собственноручно.

Стефан старался не приближаться к Рютигеру, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания — именно поэтому он и выбрал работу лодочником: отчитываться надо было не князю, а главной кухарке. Ловить рыбу Стефан умел и любил. Пришлось обучиться управлению лодкой: поначалу вёсла то выпадали у него из рук, то вздымались так, что слуги хохотали над ним. В глубине души Стефан объяснял себе эти неудачи тем, что был рождён для другого. Во всяком случае, так говорил отец. Со временем он наконец совладал с лодкой и обнаружил, что и плотва с рыжими плавниками, и округлый губастый лещ, и юркая уклейка так и стремятся попасть к нему на крючок. Стефан ежедневно приносил столько улова, что хватало на всех обитателей замка, знатных вельмож, воеводу с его десятком рабынь — и даже беднякам, сидевшим у каменных стен что-то да перепадало.

— Река благоволит тебе, — любил повторять отец.

Ветерок громко заржал. Стефан увидел, как руки князя сжались в кулаки, и замер. Отец говорил с Рютигером, слегка склонив голову. Стефан понял, что дело плохо.

«Не прикажет же ему Рютигер избавиться от коня», — мысленно понадеялся он.

Когда князь с дружинниками скрылись за стенами города, Стефан вышел из укрытия и приблизился к отцу.

— Ещё неделя без пищи и воды.

— Но он же его так замучает до смерти! — возмутился Стефан.

— Князю нравится видеть страдания других. Будь то дружинники, лошади или целительница из пустыни.

Стефан выжидающе уставился на отца, пытаясь понять, к чему тот ведёт.

— Завтра он будет осматривать дружину на главной площади. Там соберутся все. И воевода тоже. Найди рабыню воеводы, её Святославой звать, и скажи, чтобы утром пришла в конюшню. Анару я предупрежу сам.

— К ней я тоже могу зайти.

Отец покачал головой.

— Чем меньше тебя видят в замке, тем лучше.

Для дома воеводы не пожалели самые лучшие материалы. Стефан хмуро разглядывал отшлифованную древесину, резные ставни на небольших окошках и пристройку, где наверняка хранились горы припасов. Все вельможи, которых князь расселил вокруг замка, знали, как живёт простой народ, но подать росла, а оббивающим пороги беднякам доставалось всё-меньше. Когда пошли первые слухи о том, что Рютигер собирается ввести ещё и церковный налог, начались волнения. Стефан с отцом прибыли в Краков за несколько дней до того, как сожгли первый костёл. Тогда князь казнил предыдущего начальника дружины, лишив всю его семью почестей, и выбрал нового. Порой одного действия или слова достаточно, чтобы невзлюбить человека. Стефан вспомнил дружинника, который тогда вышел на площадь, чтобы поклясться новому воеводе в верности и повиновении, а в ответ получил плевков — смачный и густой. Он приземлился на площадь аккуратно рядом с сапогом дружинника, и Стефан всё понял: уважать подчинённых воевода не собирается. Но с того самого дня дружинники носились за ним, как верные псы, ожидающие, что хозяин бросит им кость. Вот и сейчас двое из них стояли по обе стороны от двери на громоздких железных петлях и покорно охраняли владения воеводы. Стефан нервно почесал шею и двинулся к ним.

— Чего надо? — тут же спросил один из дружинников.

— У меня послание от воеводы.

— Так говори.

— Не вам, а одной из рабынь.

— Всё равно говори, мы передадим.

Стефан соорудил смущённое выражение лица.

— Да там такое... Я вам не могу. Он велел лично ей.

Дружинники переглянулись и ехидно заулыбались.

«Закусили наживку», — с облегчением подумал Стефан.

— А какой из рабынь-то?

— Той светловолосой, что он недавно взял себе.

— А, эта. Она, конечно, ничего, но лицо её вечно опухшее — это ужас.

— И рыдания эти слушать уже надоело, — прибавил второй. — Вот воевода и злится на неё. Я бы хорошо подумал, прежде чем с такой бабой на скамью лечь.

— Так я могу зайти? — стараясь скрыть раздражение, спросил Стефан.

— Только быстро, — один из дружинников открыл дверь и махнул рукой. — Нечего тебе там ошиваться.

Стефана встретила девушка едва ли старше Анары. Её каштановые волосы были убраны в косу и закреплены венцом на голове. Рабыня опустила голову и сложила руки на фартуке.

— Мне нужна Святослава.

— Третья дверь слева, — тихо ответила девушка.

Помещение, в котором они оба стояли, оказалось огромным. По левую руку от входа тянулся короткий коридор, уводящий к оживлённым голосам. По жару и запахам еды Стефан догадался, что там располагалась кухня, а напротив — дверь, судя по всему, открывающая проход к пристройке. Рабыня же отправила его в другой коридор. Там он насчитал шесть комнат — три слева и три справа. На стенах висели ковры, каких Стефан никогда раньше не видел у своего народа. Нити в них сверкали золотом, а бахрому связали пучками наподобие лошадиных хвостов. Над одной из дверей висел меч в ножнах с завитками, и Стефан понял, что за ней находятся покои воеводы. Что обычно происходило внутри, он даже не хотел представлять.

Первое, что он увидел в комнате Святославы — испуганные глаза. Так обычно смотрели на него зайцы и лисицы, попавшие в капкан. Девушка сидела в углу и вышивала. Стефан убедился, что их никто не подслушивает, и сказал:

— Не бойся.

Он заметил, как вышивка задрожала в её руках.

— Меня послала Анара.

Страх на лице Святославы сменился сомнением.

— Мы попытаемся вытащить тебя отсюда, но тебе надо будет сделать всё так, как я скажу. Сможешь?

— Он ни за что меня не отпустит...

Стефан прочитал это по губам. Святослава раскрывала рот, но голос, придавленный страхом, так из него и не вырвался. Стефан осторожно опустился рядом с ней.

— Завтра воеводы не будет с самого утра. Пожалуйся, что у тебя очень болит живот, и попросишься у старшей рабыни к целительнице. Сама пойдёшь в конюшню. Людей обходи стороной. Дружинники будут на площади, так что их можешь не бояться. В конюшне тебя встретит седовласый мужчина с длинными волосами. Это мой отец — Матеуш. Он скажет тебе, что делать.

— А Анара?

— Надеюсь, она тоже там будет.

— И мы... сможем сбежать? Вместе? — Её голос дрогнул на последнем слове.

Стефан удивлённо посмотрел на неё. И, сам не зная почему, кивнул.

Он всегда рыбачил в одном и том же месте: там, где в Вислу впадал крошечный ручёек. Смешение вод нравилось рыбам, которые пережидали летнюю жару в тени и ямах, а к вечеру выплывали на мель. Стефан всегда рыбачил по утрам, но сейчас ему хотелось навести порядок в голове. Отвязав лодку от берега, он оттолкнулся от него веслом и погрёб в нужную сторону. Этот участок нравился ему ещё и тем, что лес немного прикрывал лодку от гуляющих и работающих у замка людей. А сам замок... Стефану казалось, что тот следует за ним по пятам. Увидеть его не составляло труда из любой точки города. Тёмная каменная гора насмехалась над ним и словно говорила: «Смотри, вот чего тебя лишили, вот где ты мог бы оказаться».

Стефан сел так, чтобы не видеть холм, и закинул снасти. Почти сразу же он почувствовал, как напряглась леска, и потянул её на себя. На поверхности показался окунь, жадно глотающий воздух. Стефан снял его с крючка и бросил на дно лодки. Окунь затрепыхался. Его гребень, больше напоминающий петушиный, изгибался вслед за телом. Стефан не сводил с него глаз, всё пытаясь понять, почему ощущает себя так же, как эта умирающая рыба. Не выдержав, он схватил окуня и выкинул обратно в реку. Стукнул кулаком по борту лодки и тут же поморщился.

— Перестань помогать мне! Я и сам справляюсь, — проговорил он, сам не понимая, на кого злится.

Правда была в том, что он не справлялся. Стефан готов был простить отцу все ошибки этого мира, но свои воспринимал как унижение, нанесённое не кем-то, а — что хуже — самим собой.

«Зачем я сказал ей, что Анара тоже сможет уехать?»

Он не мог её отпустить: слишком большую роль она играла в его плане. Позволить ей покинуть город — всё равно что признать поражение. Стефан, конечно, мог вернуться в начало, но его терпение было на исходе. Собрания, проходящие в их доме, ни к чему не приводили. Все знали, кто он и кем был его отец в молодости, но при виде склонённых голов Стефан не испытывал ничего, кроме горечи. Она расплзалась по его телу горячей смолой, перемешивалась со скорбью, которая усиливалась с каждым днём.

То же самое он видел в глазах отца, выбирающегося из пут снов. Стефан привык называть их кошмарами, хотя оба знали, что это было неправдой. Его отец видел те дни, когда был счастлив с матерью Стефана, но сны эти, хоть и были прекрасны, заставляли его просыпаться посреди ночи в слезах. Стефан слышал, как отец изредка вздыхал и шмыгал носом, а затем, едва первые лучи проникали сквозь ставни, вставал и уходил в конюшню.

Течение медленно двигало лодку вниз по реке, и Стефан сам не заметил, как оказался у самого замка. Он попытался разглядеть покои Анары, но вспомнил, что её окно выходит на внутренний двор. На краткое мгновение Стефан подумал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.